

Мона Озуф

Революционный праздник

1789—1799

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2003

Глава шестая

Праздник и пространство

Невозможно перечислить все пространственные метафоры, использующиеся при характеристике Республики или охваченной революцией Франции: по естественной ассоциации обретенная свобода с первых революционных дней уподобляется завоеванному пространству. Решетки сокрушены, рвы преодолены, можно свободно прогуливаться там, куда раньше было запрещено входить, — вот вехи важнейшей радости, даруемой революцией, радости освоения пространства, которое необходимо было открыть и подчинить себе.

Подобный опыт был совсем свеж, но для людей революционной эпохи он опирался на наследие целого века, любившего демонстрировать влияние пространственного фактора на общественное счастье. Вера в дидактический потенциал пространства рождается из утопии: ее популяризировали целые потоки текстов, выходивших из-под пера реформаторов, урбанистов, гигиенистов, архитекторов; она практически не ставилась под сомнение, и мало кто занимался изучением путей, которыми пространство оказывало на умы свое воспитательное влияние, — создавалось впечатление, что оно воздействует напрямую. Таким образом, новациям в политической сфере, казалось, предшествовали новые шаги в освоении городского пространства: по замечанию аббата Бротье¹, Цезарь, пожелав изменить форму правления, «начал с перемен в устройстве цирков». С другой стороны, умелые действия по моделированию пространства сами по себе должны удерживать людей от ошибок и проступков: достаточно установить гражданский алтарь рядом с залом заседаний, и законодатель, вознамерившийся преступить свои обязанности, не сделает этого неверного шага².

Отсюда последовательный пространственный волюнтаризм: по мысли деятелей революционной эпохи, на смену географии бессознатель-

¹ *Mémoire sur les cirques*, composé par M. l'abbé Brottier, et lu par lui à une séance de l'Académie des lettres. Цит. по: *Etienne Louis Boullée, Architecture, Essai sur l'Art / Textes réunis et présentés par J. M. Pérouse de Montclos*. Paris: Hermann, 1968.

² *Thomas, Mémoire adressé à l'Assemblée nationale, accompagné de deux projets pour un palais national*. Arch. nat., N III, Scine 789.

ной и стихийной должна была прийти география осознанная, прозрачная и всецело понятная. У них имелась рациональная программа обновления пространства, составными частями которой были переименование (неоднократное) площадей, присвоение домам номеров, а также упразднение церквей и прежней системы символов и эмблем. В этом колоссальном проекте празднику было отведено важное место. Ибо в разумно устроенном пространстве праздничное чувство выглядит как своего рода «зависание» времени; подобно тому, как из распланированного по своим законам утопического города исчезает сам дух борьбы, так и праздник, должным образом вписанный в свое пространство, абсолютно предсказуем и лишен внутренних конфликтов. Необходимо найти такое пространство, или изобрести его, или переделать то, которое имеется, разметить его границы и выбросить все лишнее, расставить в нем нужные атрибуты, проложить к нему пути. Как будет ясно из дальнейшего, это вовсе не просто.

Пространство без свойств

Занимаясь подыскиванием подходящего места для праздника, его организаторы всегда стремились, чтобы оно удовлетворяло следующему основному требованию: народное веселье должно иметь возможность свободно и регулярно разливаться вширь. Пространству праздника надлежит ничем не сгеснять это движение, неопределимое, неустрашимое и мирное, подобное повышению уровня воды в ручье или реке. Впрочем, в данном отношении пространство праздника является точным аналогом революционного пространства в целом, каким его описал Фихте в «Размышлениях, долженствующих содействовать исправлению суждений публики о Французской революции»: «По мере того, как поднимается сияющий светом прилив, темные островки, на коих гнездятся одни летучие мыши да совы, сжимаются и чахнут...» Фихте под сверкающими волнами подразумевает истину, которую несет в себе революция; для устроителей праздников это истина революционного ликования. Но и тот, и другие в равной степени ощущают ее напор; описания праздников гласят: «демократия есть счастливое и беспрепятственное распространение благоденствия»; «святое равенство разливается по всей змслс». Таким образом, здесь нет и намека на пересход границ, ни малейшего подозрения в жестокости и насилии. Области, завоеванные революцией, были предназначены ей едва ли не от сотворения мира — и это должно стать очевидным для всех благодаря пространству, которое избирает себе праздник.

По крайней мере, таков идеал. Превратности революционной истории понемногу привнесут в этот императив множество больших и малых оговорок и уступок. Рассмотрим, каков он был при появлении на свет, в федеративных праздниках, выражавших его с полной и еще ничем не ограниченной свободой.

Первое обязательное условие — свежий воздух, простор. Граждане стремятся отпраздновать торжество Федерации за пределами города, «возле городских стен», «на большой дороге», на «вересковых пустошах», на «равнине», на меловом плато. Если такая возможность имеется, устроители праздника предпочитают необустроенность и неуют открытого пространства привычной камерности главной площади и церковной полутьме. Поэтому муниципалитет зачастую превращается в поле нескончаемой борьбы администрации с приходскими священниками, которые, разумеется, предпочли бы отслужить мессу в одной из часовен храма, у знакомых алтарей. Подобное неудовольствие, принуждение служит доказательством того, что желание выйти на простор многих смущало и выглядело одновременно как освобождение и как провокация. Трудно найти лучшую иллюстрацию к этому тезису, чем письмо Верньо, датированное 16 января 1790 года: «В одной из перигорских деревень крестьяне заставили священника прицепить [республиканскую] кокарду к Святым дарам; кроме того, они потребовали, чтобы он оставил крышку дарохранительницы открытой: они хотели, чтобы их Бог тоже обрел свободу...»³

Корни подобной любви к открытому пространству лежат в глубокой древности. Свойственный XVIII столетию урбанизм, как, впрочем, и фантазии утопистов, с блеском это демонстрирует. У людей революционной эпохи эта страсть черпает дополнительный размах в своего рода антимодели — аристократическом празднике, закрытом, отгороженном от мира, предназначенном для немногих. Стремление к уходу внутрь замкнутого пространства очень быстро становится символом контрреволюционных намерений⁴. Многие вспоминают о том, как в июле-августе 1789 года, во время первых волнений, были уничтожены стены, заста-

³ *Vergniaud, Manuscrits, lettres et papiers, pièces pour la plupart inédites, classées et annotées par C. Vatet. Paris: Dumoulin, 1873.*

⁴ Об этом напомнил Жан Старобинский, указавший на то, что одной из первых побед революции был запрет трем сословиям совещаться и принимать решения «порознь» (см.: *J. Starobinski, 1789, Les Emblèmes de la Raison. Paris: Flammarion, 1973*).

вы и места для сбора дорожной и мостовой пошлин, и о том, что разрушение стены, недавно возведенной вокруг Парижа (Шарль Виллет, наблюдатель неизменно проницательный, замечал, что эти «шесть лье замкнутых в кольцо стен удерживали внутри миллион человек, словно стадо баранов в загоне»⁵), переживалось как праздник, отмеченный целой серией символических действий: парижане танцевали вокруг караульных помещений, которые были устроены в стенах и во всех мемуарах описываются как законченные пещеры с тяготеющим над ними тройным проклятьем — отгороженностью от мира, тайшой и мраком; торговки с Большого рынка столицы, прошествовав по развалинам стен, вышли за город и вернулись в Париж с молоденьким деревом, которое они торжественно посадили перед Лувром, прямо посреди площади Карусели, под окнами королевских покоев, и таким символическим образом стерли границу между городом и деревней. Открытие пространства, происходящее в результате восстания, стихийно перекодируется в терминах праздника.

Бесспорно, лишь открытое пространство позволяет воплотить то, в чем стремился преуспеть праздник Федерации, — драматургию национального единения. Кажется, что на вольном воздухе, в целительной нейтральности свободного от перегородок пространства должны без следа исчезнуть все различия и барьеры. Этот мотив на тысячу ладов варьируется в речах, которые произносились на федеративных праздниках. В Понтиви⁶, во время «Большой Федерации ста двадцати городов и селений Бретани», оратор в начале выступления призывал слушателей: «А наипаче станем остерегаться, как бы сии чувства не потеряли в наших сердцах своей силы, когда на них станет влиять то, что нас разобщало: расстояния, древние имена стран, государств, покоренных или оставшихся непокоренными провинций, больших и малых городов, рубежи между городом, селением, кантоном и деревушкой». А вот речь, прозвучавшая в Монтелимаре⁷: «Собравшись здесь, о добрые соседи, вы разбили преграду, именуемую делением на провинции и разобщавшую детей одной большой семьи...»

Следовательно, пространство идеального праздника не знает рамок; сверху оно также ничем не ограничено: «Национальные праздники не

⁵ *Marquis de Villette, Lettres choisies...*, op. cit.

⁶ См.: *A. Duchatellier, Histoire de la Révolution dans les départements...*, op. cit.

⁷ Discours prononcé par M. de Marsanne, colonel en second de la garde nationale de Montélimar, aux gardes nationales réunies sous les murs de cette ville, le 13 décembre 1789.

могут иметь иного предела, кроме небесного свода, ибо верховный правитель, то есть народ, не может быть заперт в обнесенном стенами, имеющем крышу помещении; он один является средоточием и главным украшением любого пространства»⁸. Людским толпам приличествует приносить присягу на глазах у небес: так, федераты из Нанси, «свободные, как воздух, коим они дышат»⁹, взойшли на гору, чтобы оказаться ближе к небу. Очевидно, что купол небес есть геоцентрическое пространство, управляемое лучезарным взглядом Великого Архитектора — Бога¹⁰. Этот незримый купол — знак единственного превосходства, которое соглашается признать над собой революционный праздник. Легко понять, почему таким негодованием встречается использование в церемониях церковной сени: она сакрализует без разбора все, что под ней находится, а кроме того, возводит досадную преграду между Верховным Существом и теми, кто благоговейно чтит его на земле¹¹, и потому является не чем иным, как узурпацией.

И наконец, у открытого пространства имеется еще одно бесценное достоинство: оно не обладает памятью и погосту может с особой наглядностью поведать о вступлении в новый мир. Национальные гвардейцы провинций Мерт, Мозель и Верхняя Марна, выстроившись в три колонны, покидают площади Нанси, где каждая деталь архитектурного убранства до предела насыщена историей, и встречаются за городской чертой, на «крутой горе», на земле, «где до сей поры никто не жил». В официальном отчете о церемонии ясно указываются мотивы такого решения: во-первых, алтарь, возведенный на вершине горы, — единст-

⁸ Déclaration de Sarrette le 30 brumaire an II.

⁹ [Anonyme], Fédération des Vosges // Bulletin du Comité des travaux d'histoire vosgienne, tome III.

¹⁰ Подобное мироощущение не исчезло и по прошествии многих десятилетий; так, оно вполне ощутимо в рассказе Мишле о торжественном погребении жертв февральских событий 1848 года, состоявшемся 4 марта. Недостатком этого прекрасного торжества он называет то, что людей заставили «держаться поближе друг к другу», «выстроиться в длинную колонну, подняться по ступеням храма в греческом вкусе и протиснуться в его узкие двери». Мишле остался снаружи: «О, я не стал входить внутрь. Моя церковь была здесь, великая церковь — небо...» (эссе «Наши сыновья»). И в описании праздника Федерации у него несколько раз встречается похожий образ: «Не искусственная церковь, но всеединая, всемирная. Один купол, от Вогезов до Севенн и от Пиренеев до Альп» («История французской революции»).

¹¹ Ср.: La Chronique de Paris, 20 juin 1790.

венное творение рук человеческих, попадающее в поле зрения участников, а во-вторых, вся территория вокруг горы была тщательно осмотрена, и «в сей невозделанной пустыне не удалось обнаружить никаких следов рабства»¹². Обстоятельства не всегда складываются столь счастливо; подчас место праздника надо предварительно отвоевать у раздробленного, нецелостного пространства, и к алтарю Отечества придется шествовать по кривым улицам, взбираясь на валы, огибая разрушенные башни, проходя по подъемным мостам¹³. По всей видимости, такая концентрация элементов, настойчиво напоминающих о феодальном прошлом, встречалась чрезвычайно редко. И все же: случалось ли праздникам проходить на таком фоне? В отчетах подобные факты, как правило, старательно затушевываются, преподносятся как любопытный эстетический казус: «Лишь один предмет поистине противоречил гармонии сего гражданского празднества: это были живописные ветхие руины какого-то древнего замка...»¹⁴

Итак, идеальное место для проведения революционного праздника должно быть устроено так, чтобы на «сценическую площадку» открывался панорамный вид, чтобы зрители могли наблюдать за каждым движением участников и с первого взгляда понимать замысел организаторов. Удобство наблюдения и праздничное чувство связаны неразрывно. В Руане, на «вересковой пустоши Сен-Жюльен», ничто не мешает соединить четыре колонны, направляющиеся к алтарю отечества, в одну и так распланировать их шаг, чтобы они выступили на поле одновременно, по звуку первого пушечного выстрела. В Нанси устроителям праздника удалось направить на склоны холма Сент-Женевьев три колонны, появившиеся с разных сторон, и продемонстрировать зрителям, как участники этого шествия неуклонно сближаются и наконец встречаются; лишь благодаря предельной пустоте избранного пространства глазам всех предстало «поразительное зрелище»: многие тысячи вооруженных людей, выстроившихся в колонны под разными эмблемами и едва ли знакомых друг с другом, «сливаются в единый народ, где все связаны братскими узами»¹⁵; каждый смог стать свидетелем неповторимого события: «В мгновение ока вражда и пристрастность исчезли бесследно;

¹² Fédération du mont Sainte-Geneviève à Nancy, op. cit.

¹³ *Général Duplessis, Fête de la Confédération des gardes nationales de l'ancienne Bourgogne, le 18 mai 1790* // *Mém. Acad. Dijon*, 1922.

¹⁴ [Anonyme], *Fédération des Vosges*, op. cit.

¹⁵ Fédération du mont Sainte-Geneviève à Nancy, op. cit.

они обнялись, как нежные братья»¹⁶. Подобный панорамный обзор содержит в себе некую рациональную радость, оказывающую стихийное воспитательное воздействие. Малуэ, пусть и нехотя, должен был это признать: «Зачем побуждать людей к восхождению на вершину горы, показывать им оттуда все величие их прав, если нам все равно придется свести их вниз, напомнить о существующих границах и вновь погрузить их в мир действительный, где их на каждом шагу поджидают препятствия?»¹⁷ Депутат явно противопоставляет суровую реальность, ошетинившуюся препонами и терниями, утопическому счастью панорамного обзора; он подозревает, что эйфория не имеет под собой прочного основания, но не подвергает сомнению ее истинность.

Все сказанное позволяет лучше понять, почему организаторы празднеств придавали такое значение выбору места¹⁸. Рассмотрим эту идею на примере праздника Федерации в Париже. Ни шквал проектов по архитектурному оформлению торжества, ни лихорадочное высокомерие, с которым каждый из участников конкурса старался очернить решение, предложенное соперником, не должны скрывать от нас удивительного единодушия; в конце концов, не так уж важно, что одни предлагали провести праздник на дороге в Нейи, другие — на Гренельской равнине, третьи — в Клиши и что Марсово поле, на котором в итоге и прошла Федерация, было с большим трудом выбрано из множества вариантов. Дискуссия по поводу идеального места для праздника свидетельствует о жестких требованиях к пространству: по канонам, после трудов Булле ставшим нормой¹⁹, оно, во-первых, должно подчеркивать эффект братского единения, а во-вторых — быть легко достигаемым. Архитекторам требуется огромная свободная площадка, до которой несложно добраться и где без особенного насилия над природой можно добиться театрального эффекта. Во всех текстах, касающихся устройства парижской Федерации, с утомительной навязчивостью говорится об амфитеатре — эта архитектурная модель в утопической традиции столетия тесно

¹⁶ Les Gardes nationales de Saint-Brice, Cravant, Vermenton, Noyers, Vézelay, Asquins, Lille, Montreal et Avalon. S. l., s. d.

¹⁷ Opinion de M. Malouet sur la Déclaration des Droits, dans la séance du 2 août 1789. S. l., s. d.

¹⁸ См. об этом: R. Etlin, *L'Architecture et la fête de la Fédération*. Paris. 1790 // *Les Fêtes de la Révolution*, op. cit.

¹⁹ E. Louis Boullée, op. cit. Именно к сочинениям Булле восходит характерный для всего XVIII столетия лейтмотив — появлявшиеся один за другим проекты театров и цирков.

связывалась с идеей собрания, единения²⁰, ибо амфитеатр позволяет зрителям получать одинаково беспристрастные впечатления, а также видеть друг друга и наслаждаться совершенным равенством²¹. В поисках идеальной точки для устройства фейерверка Ленге²² обращает взгляд на Новый мост как самое выгодное место; пять параллельных мостов и набережные, тянущиеся до Гревской площади, — вот сразу несколько готовых амфитеатров. По мнению Тьеме²³, для этой цели лучше всего подходят боковые дорожки покрытого травой гласиса перед старой оградой дворца Шайо: чем не амфитеатры, «будто нарочно устроенные для чествования Свободы»? Именно в этом смысл критических замечаний, высказанных Блонделем²⁴ по поводу проекта Селерье: выкопав посреди Марсова Поля гигантскую яму, он тем самым уничтожил обзор, который открывался из созданного самой природой амфитеатра.

Следующий вопрос: поскольку найденное пространство огораживать нельзя по определению, как в таком случае совладать с ним, не замыкая его, как наметить границы, не превращая их в забор? Во всех распоряжениях, касающихся Федерации, прослеживается желание сделать так, чтобы рубежи торжественной церемонии были прозрачны, как воздух, почти неосязаемы. Уж если никак нельзя обойтись без ограничительной линии, то пусть ею будет трехцветная лента; еще лучше, чтобы пределом праздника стал последний ряд зрителей — живое, волнуемое кольцо, вокруг которого теоретически всегда может возникнуть

²⁰ См., например: *David Le Roy, Histoire de la disposition et des formes différentes que les chrétiens ont données à leurs temples*. Paris: Desaint et Saillant, 1764.

²¹ Ср. замечание де Вайи: «Собрание публики, разместившейся перед ложам, превращается благодаря сей форме [амфитеатру] в великолепное зрелище; все зрители здесь видят друг друга и каждый из них вносит свою лепту в разделяемое им удовольствие» (*De Wailly, Observations sur la forme la plus avantageuse aux salles de spectacles*. Bibl. nat., Mss., NAF 2479).

²² *Adresse au Peuple français concernant ce qu'il faut faire et ce qu'il ne faut pas faire pour célébrer la fête mémorable et nationale du 14 juillet 1790*, par M. Linguet. S. l., 1790.

²³ *G. Thiémet, Projet d'une cérémonie fixée au 14 juillet prochain et pacte fédératif des troupes de tous les départements réunis à l'armée parisienne pour célébrer l'époque de la Révolution*. Paris: Potier de Lille, 1790.

²⁴ *Observations du sieur Blondel, architecte et dessinateur du cabinet du Roi, sur le projet de fête de la Confédération patriotique du 14 juillet 1790*, dont M. de Varenne, huissier de l'Assemblée nationale a donné l'idée et dont les plans et dessins ont été présentés par les dits sieurs à MM. Bailly et Lafayette. Paris: Imp. nat., 1790.

еще одно. В этой картинке ключевой образ — окружность, фигура, идеально соответствующая праздничному пространству; круг есть эмблема единодушия нации, что прекрасно понимает Муйфарин-сын²⁵, архитектор из Труа, когда просит читателей списходительно отнестись к «некоторому злоупотреблению формой круга», сказавшемуся в его проекте; «не то чтобы я предпочитал сию фигуру всем прочим, — пипет он далее, — но она, по моему мнению, более символична и потому лучше подходит для увековечения памяти о разных событиях, неизбежность коей есть плод единства и душевного согласия всех». Этот же образ был самым сильным аргументом тех, кто считал, что праздник Федерации должен пройти на Саблонской равнине: находящийся неподалеку Булонский лес мог бы вместить избыток зрителей и продолжить праздник, в то же время не позволив всеобщему единству окончиться слишком резко и внезапно. И потому по пальцам можно пересчитать очевидцев (один из них — граф д'Эпьерни²⁶), упрекавших организаторов парижской Федерации в том, что эмоции праздника растворились в необозримом пространстве. Большинству же представлялось, что колоссальность пропорций празднику ничуть не повредила; эмоциональное единство казалось достаточно сильным и не допускающим распыления.

Как бы там ни было, нельзя не почувствовать, что в этих проектах мог с таким же успехом иметься в виду не Париж, а любой другой город; комфортнее всего праздник чувствует себя в таком месте, которое лишено яркой характерности. Сервандони, уже в первой половине столетия предлагавший разбить площадь Людовика XV «где угодно, в каком-нибудь уединенном и находящемся за пределами Парижа уголке», особенно подчеркивал, что в его плане учитываются потребности праздников. Стремясь найти прозрачное, не перегруженное ассоциациями, доступное для восприятия место, где эмоции, пробуждаемые торжеством, распределялись бы предсказуемым образом, революционный праздник руководствуется не соображениями исторической насыщенности или эстетической привлекательности, но отдает предпочтение

²⁵ Mémoire sur le remplacement de la Bastille, et différents projets pour l'arsenal joint aux plans et élévations d'une place Nationale à la gloire de la liberté présentée à l'Assemblée nationale le 9 avril 1790, par le sieur Mouillefarine le fils, de Troyes en Champagne (Arch. nat., N IV, Seine 87).

²⁶ «Стремясь увидеть как можно больше предметов, никто не видел ничего... это поле было слишком велико для людей, чей рост не превышает пяти-шести футов. Пропорция между зрелищем и зрителями была полностью нарушена» (Comte d'Eschery, Correspondance d'un habitant de Paris..., op. cit.).

пространству, подходящему «вообще», с абстрактной точки зрения, и тем выдает свое родство с утопией. Для утопического праздника все места хороши; ему не нужна живописность; он может пренебречь удобствами и развернуться, где угодно: утопия изотопична.

Так стоит ли удивляться тому, что кульминацией революционного праздника столь часто был запуск аэростата? Воздушный праздник — это праздник утопический, наконец обретший воплощение. Ибо аэростат обращает взгляды всех присутствующих к небесам, где пребывает та единственная сила, чье превосходство над собой признает революционный праздник. Ему удастся направить эмоции каждого к единой цели. Он добивается той самой синхронности, которая была не по плечу процессиям²⁷, допускающим лишь фрагментарный обзор. Он успешно преодолевает все препоны; в описаниях праздников, на которых производился запуск, подчеркивается, что поначалу аппарат, еще несовершенный, летел неуверенно, — с такой прамбулой заключительный триумф выглядит особенно впечатляющим. Аэростату, запущенному 10 термидора VI года, в день передачи в Лувр предметов искусства, привезенных из Италии, поначалу стоило большого труда «превзойти» препятствия. «Но вдруг великолепная машина устремилась ввысь, рванулась в воздух... Сей случайно возникший, но верный символ судеб революции поразил всех зрителей»²⁸. Что же касается поднимающегося вверх человека, он эмблематически реализует (для всех, кто дает себе труд над этим задуматься) магию праздника, о которой писал Давид: «Барабаны грохочут. Все принимает новый облик»²⁹. Аэронавт, совер-

²⁷ Аэростат, подобно телеграфу, побеждает пространство. Лаканаль проводит между ними бесспорную параллель: «Два изобретения XVIII столетия кажутся особенно важными: аэростат и телеграф. Монгольфье прочертили путь в воздухе, словно аргонавты, проложившие дорогу по волнам, и сплочение наук и ремесел так зримо, что первый корабль, запущенный к небесам, приуготовливает открытие нового мира, и аэростат должен в наши дни служить свободе и быть в сей великой битве главным орудием победы [...]. Телеграф, сей быстрый вестник мысли, сближает расстояния».

²⁸ Rédacteur, 12 thermidor an VI.

²⁹ Détails de toutes les cérémonies qui vont être célébrées dans toute l'étendue de la République française, une et indivisible, en l'honneur de l'Être Suprême, Auteur de la Nature et de la Liberté, présentés par David et décrétés par la Convention nationale, suivis de l'Ordre de la Marche des cérémonies, des décorations pour l'embellissement de cette fête, de la Religion Naturelle des Vrais Républicains, de la Déclaration Solennelle de l'Homme Libre à l'Eternel. Paris: Prévost, s. d.

шивший полет 18 сентября 1791 года, в день принятия Конституции, прекрасно описал эйфорию, которая овладела им, когда гондола оторвалась от земли. Тот, кто пересекает весь город, не петляя по сплетению кварталов, охвачен упоительным восторгом: «Стоя, без шляпы, с Конституцией в руке, я по прямой линии летел над Елисейскими полями, над Тюильри, Лувром, над улицей и предместьем Сент-Антуан». Свобода движения, возможность окинуть взором «весь собравшийся Париж»³⁰. Человек, оседлавший облака, воплощает мечту Вовенарга (да и столетия в целом); он сам становится «разлитым повсюду» духом, «рассматривающим вещи в их взаимной связи; он единым взглядом обнимает все подразделения их классификации; он приводит все сущее к его истокам, к общему центру; наконец, он проливает свет на предметы великие, на обширную поверхность...» На необходимой и предустановленной свободе распространения вширь, которую распахивает перед праздником пространство без свойств, во многом и держится его счастье.

Символические вехи пространства

Так все ли сделано, если для проведения праздника найдено пустое, нагое и от этого особенно выразительное место?³¹ Не совсем; Франсуа де Пёшато, размышляя о пространстве, в котором может проходить праздник, замечает, что «торжественность возникает» повсюду, «где высаживается дерево Свободы, повсюду, где трава покрывает алтарь Отечества»³². Поскольку избранное место абсолютно нейтрально, следует наделить его какими-то чертами; необходимо, чтобы взамен упраздненных следов прошлого праздник расставил собственные символические ориентиры. На каждом празднестве обязательно должен быть памятник: после праздника Федерации, который и в данном смысле пред-

³⁰ Procès-verbal très intéressant du voyage aérien qui a eu lieu aux Champs-Élysées le 18 septembre 1791, jour de la proclamation de la Constitution. Paris: Bailly, 1791.

³¹ Этой теме Барер уделит значительное внимание в своем «Рассуждении о Марсовых школах, служащем апологией бедности»: «Для королевской военной школы потребовалось, ценой народной крови и пота, возвести огромное здание, свидетельствовавшее только о несносной гордыне господина, который приказал его построить... Для революционной Марсовой школы нужна лишь бесплодная почва Саблонской равнины, палатки, оружие и пушки...» (текст речи см.: *Le Moniteur universel*, 15 prairial an II).

³² Циркуляр от 10 фрюктидора VI года.

ставляет собой исключение из правил, об этом пишут много и настойчиво³³. Ибо только памятник дарует бессмертие. Дабы нагляднее подчеркнуть это преимущество, Гюа³⁴ считал разумным воздвигнуть памятник «Конституции, великому творению». По той же причине для изготовления памятников нужен мрамор, не подверженный разрушению: это требование иронически оспаривают непрочные строения, в лихорадочной спешке возведенные для праздника Федерации (впрочем, и в последующие революционные годы успехи в борьбе с губительной силой времени останутся более чем скромными³⁵); если подручный материал не обладает достаточной выразительностью, следует прибегать к языку форм: квадратный постамент с тяжелой статуей сидящего короля, на голову которого Франция возлагает венок; основание в виде квадрата со стороной в двадцать футов; пирамиды в «арке, отмечающей начало дороги на Нейи» — все это аллегории прочности.

Во всех проектах настойчиво повторяются два мотива. Первый, наиболее характерный для этих оставшихся на бумаге памятников, — колоссальных размеров колонна; помимо отчетливых античных коннотаций она обладает еще одним бесспорным свойством: ее видно отовсюду. По мнению Гатто³⁶, ей надлежит притягивать к себе взоры путников,

³³ Об этом свидетельствует, в частности, название брошюры неизвестного автора: *Songe patriotique, ou le Monument et la Fête* [Патриотический сон, или Памятник и Праздник]. Paris: Imp. de Didot le Jeune, 1790. См. также рассуждение шевалье де Мопино: *Proposition d'un monument à élever dans la capitale de la France pour transmettre aux races futures l'époque de l'heureuse révolution qui l'a revivifiée sous le règne de Louis XVI* [Предложение об установлении в столице Франции памятника, долженствующего поведать грядущим племенам об эпохе счастливой революции, коя влила новую жизнь в нашу страну в царствование Людовика XVI]. Paris: Laurens junior, 1790.

³⁴ Gois, *Projet de monument et fête patriotique*. Paris: Imp. nat., s. d.

³⁵ Об этом см., например, заметку в газете «Всобщее краткос обозрение» (*L'Abreviateur universel*) от 18 плювиоза III года под названием «Выдержка о Французской республике»: «Нынешнее варварство, бесстыдно и глупо именуя себя разумом, просвещением, гением, добродетелью, возрождением, вознамерилось заменить шедевры, кои на протяжении долгого времени составляли славу нашего отечества, но смогло породить лишь странные и дикие творения, сооруженные из гипса, досок, холста с намалеванными на нем деревьями или скалами, дерзкие и глениые символы создаваемых нами эфемерных теорий».

³⁶ *Projet d'un monument pour consacrer la Révolution*, par M. Gatteaux, graveur des médailles du roi (Arch. nat., C 120).

впервые прибывающих в столицу, и удивлять их, порождать в их умах вопрос. Перед нами образчик чисто утопического мышления: колонна есть символ города, а город целиком и полностью сводится к событию, которое положило ему начало. Второй мотив — главный алтарь, квадратной формы (иногда, впрочем, он находится рядом с колонной). Это опорная точка праздника, причем церемония гражданской присяги наполняет ее драматизмом; алтарь становится композиционным и смысловым центром, но не членит пространство на сегменты: он ничем не отделен не только от небесного свода (архитекторы, разумеется, не допускают и мысли об использовании церковной сени), но и от остальной вселенной: четыре возвышения по бокам обращены «к четырем частям света»³⁷; наконец, он должен служить «ступенями для всего народа»³⁸. Надежность, строгость, удобство: в самом ли деле Селерье, победивший в конкурсе на оформление праздника Федерации, лучше воплотил в своем проекте эти требования, нежели Блондель? Вопрос остается спорным, однако в плане Селерье алтарь отчества действительно сыграл ту роль, которую ему отводили организаторы. Квадратный стилобат казался неколебимо прочным, а гигантским лестницам (по крайней мере с виду) был по плечу людской поток.

Кроме всего прочего, авторы архитектурных проектов для торжества Федерации стремятся при помощи статуй придать пространству праздника определенный ритм. Все они подчеркивают дидактический потенциал статуи — вознесенной на пьедестал антропоморфной добродетели. Впрочем, такое изображение легко трактовать и в отрицательном смысле; понятно, почему представлялось настолько важным как можно скорее³⁹, пока федераты еще не вошли в Париж, очистить пространство города от позорной статуи на площади Побед⁴⁰ и почему именно скульптуры (куда больше, чем живописные изображения) впоследствии пострадали от революционного вандализма. Но на ту пору воспитатель-

³⁷ Confédération nationale du 14 juillet ou Description fidèle de tout ce qui a précédé, accompagné et suivi cette auguste cérémonie. Paris: chez J. M. Châlier, 1790.

³⁸ Выдержка из письма одного из членов Законодательного собрания к другу приведена в: Le Journal de Paris, le 15 juillet 1790.

³⁹ См.: Projet de décret au sujet des statues de la place des Victoires, présenté à l'Assemblée nationale par Alexandre de Lameth (Arch. nat., C 41, № 363).

⁴⁰ На площади Побед в 1686 году был на средства герцога де Фейяда воздвигнут памятник Людовику XIV работы скульптора Дежардена. — *Примеч. перев.*

ный эффект, производимый статуями⁴¹, сомнению не подвергался и, следовательно, ничто не мешало воспользоваться им ко всеобщему благу. Достаточно было провозгласить, что статуи-наставницы нужны, и вокруг изваяний-близнецов (король и нация) немедленно возникла целая армия скульптур (Закон, Философия, Изобилие, Религия — в разных местах и обстоятельствах этот набор варьировался), над которыми высилась, объединяя их, фигура Свободы. Именно она, по замыслу Ленге⁴², должна была воздвигнуться на развалинах Бастилии, выходя, подобно Минерве в полном вооружении, из головы народа; двенадцатифутовому изваянию Свободы в проекте Собра⁴³ надлежало завершать скульптурную композицию, причем постамент ее, как предполагалось, по ночам будет светиться; Свобода с пальмовой ветвью в одной руке и с пикой, увенчанной фригийским колпаком, — в другой, согласно проекту Гатто⁴⁴, «вступала во владение всем сим обширным королевством». Шевалье де Мопино⁴⁵ с восторгом приветствует одно из грядущих завоеваний революции: городское пространство украсится размещенными в шахматном порядке статуями героев, и каждая из них, открытая глазам всех, будет заключать в себе некое возвышенное наставление; как видим, у этого автора античные аллюзии сочетаются с утопической мечтой⁴⁶.

Статуи, колонны, обелиски, пирамиды, а позже — деревья свободы располагают ум к стихийным аксиоматическим операциям с категориями верха и низа: черта поистине удивительная для пространства, столь явным образом отданного во власть горизонтальности. Однако и в нем есть несколько вертикалей. В отличие от «готических» сооружений, ни на колонне, ни на статуе, ни на дереве взгляд надолго не останавливается. Для наблюдателя все они являются своего рода поводом для того,

⁴¹ Этому же посвящено предложение, которое вынес на заседании Совета пятисот 3 вандемьера VIII года Дезе, считавший, что следует «отдать должное талантам художников республики»: «И у нас, как в Афинах, в череде памятников и статуй должен быть запечатлен полный курс морали и гражданского воспитания...»

⁴² Adresse au Peuple français..., par M. Linguet, op. cit.

⁴³ Projet d'un monument à élever dans le champ de la Fédération proposé par M. Sobre le Jeune, architecte, in-4°, s. l. n. d.

⁴⁴ Projet d'un monument..., par M. Gatteaux, op. cit.

⁴⁵ Proposition d'un monument à élever..., op. cit.

⁴⁶ Эта тема — один из лейтмотивов XVIII века; см., в частности: *Bernardin de Saint-Pierre, Etudes de la nature*. Paris: P. F. Didot le Jeune, 1784.

чтобы поднять глаза, но не ограничивают пространство обзора: это темы для размышлений о морали, а не визуальное насилие. Справедливо ли сказанное в отношении пирамид и идущих им на смену гор?⁴⁷ Читатель, надо полагать, помнит, что задолго до того, как гора стала элементом праздника, в текстах эпохи без обиняков говорилось о цели, к которой направлены все церемониальные действия, — о небесах. Однако, несмотря на повсеместное присутствие и обилие гор, нельзя не почувствовать, насколько чужеродной была для революционного мировосприятия тяжеловесность этого архитектурного мотива. Как только политическая конъюнктура изменится и на горы начнется гонение, против них немедленно ополчатся буквально все, вооружившись конкретными примерами. Гора, возведенная для эбертистского торжества на эспланаде перед Домом Инвалидов, вызвала у членов секции Хлебного рынка особенную ненависть своими украшениями: болото, рептилии, прочие гнусные животные, словом, все отвратительные личины федерализма; однако в дискуссии, которая разгорелась вслед за этим (I вантоза II года), противники гор, что вовсе не удивительно, прибегли уже не только к политическим терминам: «Что есть гора, — возвышает свой голос Матьё, — как не вечный бунт против Равенства?» Совершенно очевидно, что такие реплики опираются на незыблемую уверенность, на принцип организации революционного пространства: вертикаль постыдна и невозможна. 22 брюмера II года Парижская коммуна призвала к разрушению церковных шпилей, аргументируя свое решение, в частности, следующим: «они возвышаются над всеми прочими зданиями, что, как представляется, противоречит истинным принципам равенства». «На редкость идиотский довод», — таков комментарий Олара. В нем, однако, выразилась суть пространственной модели революционных праздников — любовь к горизонтали.

С другой стороны, нельзя пройти мимо того факта, что все эти сооружения, которым надлежало быть вехами в праздничном пространстве, не являются обитаемыми. Тема жилого здания в архитектурных проектах эпохи Революции представлена на удивление скупо. Зодчие сколько-нибудь последовательно разрабатывали только планы обеспечения

⁴⁷ Подчас две вертикали оказываются соединенными: так, на празднике Федерации в Лионе гору венчает статуя свободы; на парижском празднике Федерации на горе (правда, весьма скромной) возведен алтарь Отечества; во многих проектах оформления «патриотических площадей» предполагалось на горе установить статую Людовика XVI или на пирамиде — «ажурный храм»...

депутатов жильем. Как правило, о внутреннем объеме строений, возникших в связи с праздниками, не говорится даже в том случае, если они предназначены для размещения чего-либо (обычно архивов, и куда реже — людей). Высокие и громоздкие пирамиды, колонны и обелиски воздвигаются не для удобства, но ради символического эффекта. Эти сооружения являются одновременно знаками (они со всех сторон покрыты надписями и могут быть «прочтены» как книги) и сигналами. В проекте Собра⁴⁸ статуя Свободы, венчающая колонну, восседает на «светящемся цоколе», которому также отведена двойная роль: во-первых, «сей пламенеющий символ» будет виден даже на расстоянии в двенадцать миль, а во-вторых, при необходимости им можно будет подать сигнал о чествовании свободы или о том, что над отечеством нависла опасность.

Итак, революционный праздник полностью пренебрегает устройством внутреннего пространства, игнорирует потенциал его эмоционального воздействия. Все в один голос жалуются, когда из-за обстоятельств или времени года приходится проводить праздник в закрытом помещении. Внутреннее пространство церкви, к которому в данном случае должен подстраиваться праздник, утратило всякий смысл: колонны закрывают обзор; своды, как искусственное небо, нависают над участниками торжества; вся архитектура рассчитана на то, чтобы производить эффект. Церковь — это неудобный, плохо продуманный театр, искусство иллюзии, не достигающее даже до своего объекта. Она пускает в ход хитрости, неожиданности; ее разгадываешь лишь постепенно; она больше похожа на стихи, чем на здание. Подобное отвращение далеко не ново; оно свойственно XVIII веку в целом. Вспомним аббата Морелле⁴⁹: увидев собор святого Петра в Риме, он пришел в восторг от того, что впечатление, произведенное на него этой машиной, ему пришлось излагать в несколько приемов; вместе с тем он был немало удивлен и отдавал себе отчет в том, что посетил собор наперекор общепринятому в среде художников и философов той эпохи мнению⁵⁰. Для них, как и для

⁴⁸ *Projet d'un monument à élever... par M. Sobre le Jeune...*, op. cit.

⁴⁹ *Abbé Morellet, Mémoires*. Paris: Ladvocat, 1821. Морелле ссылается на пространное представление, эстетический конформизм, согласно которому «следует считать изъясном восхитительного памятника тот факт, что впечатление, им производимое, осознается не сразу...»

⁵⁰ Это утверждение можно проиллюстрировать многочисленными примерами; приведем слова Монтескье: «Строение в готическом вкусе есть загадка для глаз, на нем останавливающихся; человек смущен, растерян, словно ему про-

тсх, кто занимался устройством праздников, пространство церемонии должно было удовлетворять главнейшему требованию: свободе обзора. И потому в трансформации церквей в храмы, посвященные декадным праздникам, важнее всего не находчивость⁵¹ художников, с успехом творящих из Бога-Отца бога Времени с косою в руках, а из святой Цецилии — богиню Равенства (треугольник, неизменный атрибут покровительницы музыки, переделывается в ватерпас). Гораздо существеннее другое: закрытие или разрушение боковых часовен, отсечение концов трансепта (поперечного нефа), выступающих за основной объем церкви, создание (при помощи знамен, драпировок, ветвей с листьями) такого внутреннего пространства, которое можно окинуть одним взглядом и держать под контролем, как то предписывает безопасность.

Эти требования проявлялись в полной мере, когда объектом архитектурной деятельности революционеров становились уже существующие здания. К примеру, некий инженер из дорожного ведомства⁵² предлагал обратить Зал для игры в мяч в памятный монумент. Автора вовсе не занимал вопрос о том, что делать с внутренним объемом Зала, который в проекте описан весьма кратко: «четыре стены и открытое взору небо»; следуя канонам тогдашнего урбанизма, он прежде всего обращает внимание на то, чтобы здание стояло отдельно (в силу как собственно эстетических соображений, так и доводов безопасности), чтобы процессии без затруднений могли попасть внутрь (а значит, ко входу должна быть проложена дорога с широкими и удобными откосами); для придания драматизма открывающейся перспективе он считал необходимым возвести перед храмом «портик, дабы нагляднее представить его назначение». Но богатое воображение инженера-архитектора совершенно теряется во внутреннем пространстве. Он с трудом выжимает из себя единственную идею: отлить в металле «печальную и почтенную мебель, которая стояла в сем достославном помещении». Что будут делать в храме паломники? Неизвестно. Такова же была и участь многих революционных праздников: когда шествие достигало назначенной цели, участники торжества не знали, как им поступать дальше, поскольку никаких указаний на сей счет в программе не име-

чили непонятные строки какого-нибудь поэта...» (*Montesquieu, Essai sur le goût. Paris: Delalain, 1766*).

⁵¹ Таким образом устраивали храм Разума в Дуэ (*Arch. dép., Nord L 5050*).

⁵² См.: *Laurent-Hanin, Histoire municipale de Versailles, 1787—1799. Versailles: Cerf, 1885—1889.*

лось⁵³. Все это выглядит так, словно памятник — и даже храм! — залитый светом и открытый взорам всех, способен лишь приковывать к себе внимание восхищенного народа. Так зачем же тогда входить внутрь?

Обновление церемониального пространства: праздники в Кане

Важнее всего вступить в город и двигаться в нем: страсть к открытому пространству, с максимальной полнотой проявившаяся в федеративных праздниках, редко находила столь благоприятные условия для выражения. Другие праздники, не связанные, подобно торжеству Федерации, с демонстрацией военной мощи, не могли рассчитывать и на то феноменальное стечение народа, которое было характерно для первых счастливых дней. Поэтому им волей-неволей приходилось как-то вписываться в городское пространство. А с городом совладать не так просто, как с горизонтальным, открытым всем ветрам и лишенным памяти пространством; направить процессии к единой точке тут сложнее, чем на просторе; не всегда удается собрать зрителей, без чьего участия шествие теряет свой смысл; наконец, здесь никогда нельзя полностью избежать подсознательных ассоциаций и аллюзий. Таким образом, пути, по которым в действительности проходили торжественные процессии, свидетельствуют о сопротивлении, оказанном городами деспотизму Разума. Это противостояние, конечно же, было весьма несравномсрным и зависело от устремлений тех, кто праздник организовывал, от степени внимания (она, в свою очередь, могла сильно варьироваться) к сути того события, в честь которого устраивался праздник, и даже от особенностей городской планировки.

Деревня представляет собой особый случай: в ее пространстве маршрут процессии, как правило, был весьма скромным (от муниципалитета до храма, где проходили декадные праздники); здесь не стояла так остро необходимость отделаться от присутствия прошлого, ибо для деревенских жителей это не столь важно. Кроме того, революционные события в деревне могли и не оставить бросающихся в глаза следов. Здесь меньше поводов для торжеств и, вероятно, меньше «опасных» моментов, которые следует забыть или заглушать.

Кан⁵⁴ — город средний; маршруты разных церемоний, в нем проходивших, сохранились хорошо; мы знаем о них достаточно, чтобы свести

⁵³ В этом отношении очень красноречива разработанная Давидом программа праздника Единения (10 августа 1793 года).

⁵⁴ Почему именно Кан? В документах, хранящихся в городском архиве, маршруты следования процессий расписаны весьма тщательно, что встреча-

Карта позволяет выявить в городском пространстве точки, по которым, связуя их между собой, двигались процессии

революционный лет,
обобщены и сведены вместе

The map shows the city of Krasnodar, with the city center highlighted in black. The city is situated on the coast of the Sea of Azov. The map includes the city of Novorossiysk to the north, the city of Krasnodar to the south, and the city of Yessentuki to the east. The city of Krasnodar is shown with its main roads and districts. The city of Novorossiysk is shown with its main roads and districts. The city of Yessentuki is shown with its main roads and districts. The city of Krasnodar is shown with its main roads and districts. The city of Novorossiysk is shown with its main roads and districts. The city of Yessentuki is shown with its main roads and districts.

в своего рода карту все (за немногими исключениями⁵⁵) устраивавшиеся в Кане революционные торжества, конститутивным элементом которых было шествие. Перед нами тридцать четыре маршрута: почти все они представляют собой движение к определенной цели и затем возвращение к исходной точке; кольцевых линий очень мало. В Кане, как и в других местах, никто особенно не заботился о том, чтобы обойти город целиком; это не значит, что революционный церемониал отрицал символические свойства «круговых шествий» — описать круг возле алтаря Отечества или дерева свободы всегда считалось важным и необходимым, однако городское пространство редко обводилось кольцевой линией шествия, контрастирующей с его ломаными контурами. Есть сведения о «гражданских прогулках» вокруг небольших городов, однако назвать это явление расхожим церемониальным приемом затруднительно.

стся далеко не часто; с другой стороны, организаторы праздников, бесспорно, много внимания уделяли тому, чтобы праздник не замыкался в рамках декадного торжества, и стремились приурочить к знаменательным датам народные гуляния. Кроме того, маршруты процессий, проводившихся при Старом порядке, также известны хорошо благодаря публикации решений магистрата в серии «Bibliothèque bleue»; существует и реестр городских церемоний, охватывающий период с 1683 по 1786 год. И наконец, мне оказало немалую поддержку недавно появившееся фундаментальное исследование: J.-C. Perrot, *Genèse d'une ville moderne. Caen au XVIII siècle*. Paris — La Haye: Mouton, 1975.

⁵⁵ В этой карте церемониальных маршрутов революционного десятилетия нет праздников, документальные сведения о которых отсутствуют. Так, мы не включили сюда два праздника Старости, где участники торжественных шествий провожали пожилых людей, известных своей гражданской доблестью или добродетелями, от их жилищ до мэрии — эта лагуна, впрочем, практически не влияет на общую картину, ибо речь в данном случае идет о единичных, разовых маршрутах. Нет сведений и о том, как двигались процессии, торжественно провозглашавшие те или иные известия (к примеру, о том, что Отечество находится в опасности); о них, безусловно, хотелось бы знать больше: с одной стороны, потому, что нам известно, как были устроены процессии, возвещавшие при Старом порядке о заключении мира, с другой — потому, что в шествиях такого рода оптимальным образом совмещаются задачи эффективности и символическая выразительность. К сожалению, в отчетах говорится лишь о том, что шествие прошло по «важнейшим местам» и перекресткам. И наконец, мы не стали наносить на карту некоторые народные гуляния по случаю декадных празднеств.

Процессии в Кане подчиняются двум основным концепциям. Согласно первой, шествие перемещается из старого купеческого города в классическую, регулярную часть, соединяя таким образом церковь святого Петра и Королевскую площадь (Place Royale). Эта модель имеет ряд вариантов: северный маршрут пролегает вдоль народного, торгового города, где, несомненно, живы и сильны традиции религиозных празднеств. Но как бы ни двигалась процессия, по южной или по северной стороне, она проходит лишь краем старого города коммерсантов, по которому в 1789 году брели к Хлебному рынку пришедшие из предместий вооруженные толпы, требовавшие понизить цены на хлеб. Шествие, следовательно, отдает явное предпочтение городу эпохи классицизма. Такой вектор неслучаен: его подготовили традиционные процессии XVIII века, строившиеся как «нанесение визитов» первым лицам города (на острове святого Иоанна, в резиденции епископа, в особняке Аркур) и также связывавшие сердце старого города и жилища нотаблей⁵⁶.

Вторая модель, в ходе революции вытесняющая первую, вообще исключает из маршрута старый город и предписывает двигаться от Королевской площади к Национальной аллее (Cours National); здесь также имеется несколько вариантов, подсказанных урбанистическими идеями предшествующих десятилетий. Выразительный пример такой процессии — праздник в честь Верховного Существа, организаторы которого в Кане, как и в других точках Франции, решительно отвернулись от традиционных церемониальных маршрутов и избрали предельно удаленный от центра путь, еще не опробованный (по недавно проложенным улицам), но, по их мнению, весьма перспективный для будущих торжеств. По всей вероятности, устроители праздника руководствовались соображениями удобства: даже если идти по самому краю старого города, по воображаемой оси, соединяющей церковь святого Этьена с церковью святого Петра (в революционную эпоху — площадь Декарта и площадь Лепелетье), придется протискиваться в очень узкие (хотя и несколько расширенные во второй половине XVIII века) улицы; этим можно было бы объяснить тот факт, что в годы революции совершенно вышел из употребления маршрут, который при Старом порядке был

⁵⁶ Есть, впрочем, и существенное отличие: процессии Старого порядка, в отличие от шествий революционной эпохи, предпочитавших западную часть острова святого Иоанна, часто направлялись к восточной его стороне, где располагались резиденции аристократии.

чрезвычайно популярен; благодаря ему молва о великолепной религиозной процессии, проходившей в Кане на праздник Пятидесятницы, распространилась далеко за пределами Нормандии. Однако соображения психологической уместности, «благопристойности», о которых говорится в официальных отчетах, неразрывно связаны с соображениями удобства: проходя по старому городу, участники торжества неизбежно натыкаются на зримые свидетельства сопротивления народа революционным церемониям. Так, в VII году гражданское шествие по случаю праздника Юности, направленное организаторами по традиционному маршруту, встретило на своем пути, как сообщал чиновникам муниципалитета возмущенный и огорченный представитель директории департамента, лавки, либо нагло открытые, либо закрытые лишь для вида, купцов и ремесленников, которые, и не думая скрываться, занимались своими делами; сами же улицы были перегорожены телегами с наваленными разными товарами⁵⁷: налицо вполне реальная обструкция, а она, как хорошо известно, в ту эпоху трактовалась как выражение идеологической оппозиционности.

Существует еще одна, третья, модель, представляющая собой сплав двух описанных и соединяющая старый город с кварталами, разбитыми по последнему слову градостроительной теории. Так шла процессия в день I вандемьера VI года: затею пельзя не признать грандиозной, поскольку участники празднества продефилировали от площади Фонтет к Национальному бульвару (это два недавно возникших городских пространства, причем строительство одного из них завершилось едва ли не на днях)⁵⁸, а по пути зашли и в старые кварталы. Такой маршрут отчасти был продиктован конкретными обстоятельствами⁵⁹, но размах его, по всей видимости, имеет еще один смысл: I вандемьера, день основания Республики, — праздник единодушия, стремящийся выплеснуться на возможно более широкое городское пространство; этим же можно объяснить и тот факт, что национальные гвардейцы, охваченные демократическим стремлением к повсеместности и всеохватности торжества, в тот вечер устроили во всех кварталах «гражданские трапезы».

⁵⁷ Об этом см.: *A. Campion, Les Fêtes nationales à Caen...*, op. cit.

⁵⁸ Когда вспыхнула революция, комплекс судебных зданий еще не был построен. См. об этом: *J.-C. Perrot, Cartes, Plans, Dessins et Vues de Caen antérieurs à 1789*. Caen: Caron, 1962.

⁵⁹ Подготовке праздника много сил отдали чиновники из администрации департамента [Кан — центр департамента Кальвадос. — *Примеч. перев.*], здание которой находилось в описываемое время на площади Фонтет.

Все эти маршруты явно свидетельствуют о том, что в исследуемую эпоху торжества проходили почти исключительно в юго-западной части города: революционное шествие недвусмысленно отдаст предпочтение одному городу перед другим, нижнему — перед верхним, болоту — перед крепостью, лужайкам — перед крутыми улицами кварталов, прилегающих к древним аббатствам (участникам этих шествий неведома усталость от подъема в гору, накладывающая отпечаток сакральности на все действие и потому игравшая первостепенную роль в религиозной процессии к церкви святого Николая на день Пятидесятницы). Революционный праздник разворачивается в праздном городе, он игнорирует оживленные, деловые улицы и торговую набережную реки Орн, связывающей Кан с морем; он избирает просторный, тихий и торжественный город с садами и превращенными в места прогулок монастырями и отвергает город тесный, шумный, разбитый на мелкие пространства. В результате почти полностью выходит из употребления совпадающий с осью «север—юг» маршрут, по которому традиционно прсремещались шествия при Старом порядке: во второе воскресенье Великого поста процессия поднималась от церкви Богоматери к церкви Сен-Совер (Спасителя); на восьмой, заключительный день торжеств по случаю праздника Тела Господня по крутой улице Воге брели вместе с паломниками, направлявшимися к знаменитой часовне Богоматери-Избавительницы (La Délivrande), многочисленные горожане. Равным образом и 5 сентября 1685 года, в день торжественного открытия Королевской площади, никому и в голову не пришел какой-либо иной маршрут: просто на этот раз процессия шла в обратном направлении, спускаясь от улицы Кордельеров к статуе Людовика XIV, которая, по словам оратора, «одна должна была говорить о всех эпохах»; таким символическим образом старый город воздавал почести новому. От этой традиции в революционных шествиях почти ничего не сохранилось; не стремились они и в пригороды: только в десяти случаях из тридцати четырех участники празднеств пересекали пределы собственно городского пространства.

Выход из города теперь не был связан с преодолением оборонительных укреплений⁶⁰. От них остались, в сущности, одни крепостные сте-

⁶⁰ Начиная с середины XVIII века в Кане был взят курс на уничтожение городских стен: пробойны, разломы и трещины (следствия военных действий) не устранялись; тех, кто проделывал в стенах дыры для своих частных нужд, не наказывали; старые ворота сносили. Большинство оборонительных соору-

ны, которые, в свою очередь, на протяжении всего XVIII столетия (и десяти революционных лет в том числе⁶¹) ветшали и уничтожались; поэтому с точки зрения тех, кто устраивал шествия, город представлял как нечто открытое, незамкнутое. Разумеется, для того, чтобы достичь Национальной аллеи, требовалось шагнуть за городскую стену — или перейдя Орт по новому мосту Сен-Луи, при строительстве которого была разобрана часть стены и возник еще один свободный доступ во внутреннее пространство города, или воспользовавшись наплавными мостами через ров или через реку. Такой переход казался вполне естественным и в драматургии шествий не был отмечен ни остановкой, ни каким-либо иным символическим действием: эта часть города, наиболее низменная, подобная зыбкой Голландии, царству травы и воды, настраивала мысли на мечтательный лад, на грезы о продолжении пути; ей были чужды бурные эмоции преодоления, пересечения. Отсюда город казался свободным, широко распахнутым, вовсе не имеющим обочин, даже воображаемой.

Однако выход на Национальную аллею, место отдыха и торговли, не свидетельствует ни о стремлении праздника слиться с весельем, царящим в предместьях, ни о том, что в сознании его участников рождается идея аггломерации, пусть совсем робкая. Как раз наоборот: по пальцам можно пересчитать те процессии, которые, идя по дорогам, добираются до городских окраин. Вот шествие, во всех отношениях стоящее особняком: только оно движется по оси «север—юг», проходит в непосредственной близости от крепости, углубляется в узкие улочки прилегающего к ней квартала, во владения «мелкого люда», пересекает старые оборонительные сооружения в районе рынка Сен-Жюльен; только оно делает остановку на площади Гражданской доблести (площади Сен-Совер), где некогда стоял позорный столб, а затем — гильотина (последней, впрочем, вскоре предстоит на эту площадь вернуться⁶²), и торжест-

вственный в Кане полностью утратило свой исходный облик и назначение; крепостной ров Сен-Жюльен стал излюбленным местом для игры в шары и стрельбы по мишеням, а после того, как была разбита площадь Фонтет, город со стороны Байё вообще лишился укреплений. Обо всех этих мероприятиях см.: J.-C. Perrot, *op. cit.*

⁶¹ Работы по обустройству порта означали неизбежный снос городских башен и стен со стороны набережных.

⁶² Гильотина впервые появилась на площади Сен-Совер в ноябре 1792 года, когда там казнили человека, признанного виновным в убийстве с целью ограбления. Весной II года, вскоре после того, как было проведено описываемое

венно сажает здесь дерево свободы; только ему удастся хитроумнейшим образом связать воедино пространства двух площадей (Сен-Совер и Фонтет), придать им совершенно новую глубину и задействовать их в зрелищном режиссерском решении. Но многие топографические особенности описанного маршрута найдут свое объяснение, если мы вспомним, что оно было задумано жителями секции Гражданской доблести, объединившей бывшие приходы церквей святого Юлиана, Сен-Совер, Сент-Этьен-ле-Вье (т. е. старой церкви святого Этьена). Этот путь, совершенно новый, смешивающий границы приходов (и без того, впрочем, ставшие весьма расплывчатыми⁶³), предназначен для того, чтобы придать подобие жизненности административной «хирургии», произволу, благодаря которому, собственно, и возникли секции: перед нами проявление секционного патриотизма; в существовании последнего, впрочем, трудно усомниться, если верить официальным отчетам, в один голос уверяющим, что никакое иное шествие в Кане не выглядело столь блистательно и празднично.

За исключением этого маршрута и «гражданской прогулки», устроенной в честь представителя Лапланша и потому окказиональной⁶⁴, на протяжении рассматриваемого периода существовали два регулярных повода для выхода за пределы предместий. Первый — военные празднества: три торжества в честь Федерации (1790, 1791 и 1792 годы), праздник Признательности и Побед IV года. Все эти мероприятия предусматривали парад национальной гвардии, численность которой в Кане составляла около пяти тысяч человек. Все они требовали простора и потому устраивались за городом: участники торжества шли по четырехпролетному мосту Восель, переброшенному через Орн, достигающий в этом месте максимальной ширины, и на равнине Иф войска строились в каре. Военный дух празднества, подчеркнутое внимание к приемам внешнего оформления⁶⁵ сказываются во всем, в том числе и в выборе

шествие (20 вантоза II года), гильотину устанавливают вновь — уже с иными целями.

⁶³ J.-C. Perrot, *op. cit.*

⁶⁴ 9 марта 1793 года Конвент разослал по департаментам своих представителей, наделив их чрезвычайными полномочиями и поручив им ускорить набор солдат в действующую армию. Монтаньяр Лапланш был направлен в департаменты Эр и Кальвадос, где господствовали антиреволюционные настроения; в Кан он приехал из Шербура.

⁶⁵ Так, шестиугольный павильон, возведенный над алтарем Отечества, опирался на шесть пушек.

маршрута: на площади Революции, по которой движется шествие, стоят казармы, за несколько лет до того усердием муниципалитета обнесенные железной решеткой (городская администрация изолирует военных столь же тщательно, сколь больных или сумасшедших)⁶⁶. Участникам этих торжеств необходимо было пройти по предместьям — и они действительно проходили по ним, но только кратчайшим путем и ускоренным маршем: в предместье Восель не делалось ни единой остановки. При этом можно было надеяться, что в случае надобности военным не составит труда усмирить бурные эмоции обитателей пригородов.

Еще один повод к пересечению предместий — торжества, посвященные Сельскому хозяйству. В V году шествие двигалось по тому же пути, что и в праздник Федерации, то есть по дороге на Восель. В другие годы (IV, VI и VII) организаторы отдали предпочтение оси «восток—запад»: возможно, это объясняется тем, что в своей западной части город очень плавно, почти незаметно переходил в деревню. Итак, участники торжества направлялись к окончанию улицы Байё, к перекрестку Дам-Озенн, а оттуда шли к полю Сен-Мишель, на котором традиционно проводилась сентябрьская Луковая ярмарка. Этот выход из городского пространства, казалось, задавался самой структурой церемонии, которая предписывала председателю муниципалитета и командующему войсками города на глазах у земледельцев собственноручно провести по земле настоящую борозду настоящим плугом. Но садов, больших и малых, и даже полей, где можно с успехом поставить подобную живую картину, было достаточно и в самом городе. Отсюда следует, что какая-то другая причина заставляла устроителей праздника двигаться через вечно мятущиеся, опасные предместья. Они, вне всякого сомнения, стремились пересечь черту, на которой взимались пошлины за ввозимые в город товары: именно здесь лежит граница, жестко отделявшая город от деревни. Шаг через эту линию в широко распахнутые поля переживается как истинный выход за пределы города; данный «пограничный» праздник демонстрирует это лучше, чем какой-либо иной.

Но подобные мероприятия, проводившиеся за городом, сами по себе еще не свидетельствуют об истинном, глубоком интересе к предместьям. Впрочем, и Старый режим не лучше к ним относился⁶⁷: ведь приго-

⁶⁶ См.: J.-C. Perrot, *op. cit.*

⁶⁷ В мае 1777 года граф д'Артуа, ехавший из Аркура в Авранш, посетил Кан; встречать его на площади Дофина вышли из ратуши первые лица города, проводившие младшего брата короля до площади Фонтет. Хотя к тому времени

роды возникают вне городских стен и растут сами по себе, словно сорняки. Показательно, что во время знаменитой процессии в праздник Пятидесятницы члены городского совета всегда останавливались передохнуть у церкви святого Этьена и не входили, в отличие от остальных участников шествия, в холмистое, с круто поднимающимися вверх улочками предместьяс Сен-Никола, а начиная с 1762 года некоторые цеховые корпорации также взбунтовались и отказались двигаться дальше. Однако можно было бы предполагать, что шествия революционной поры выкажут больше признательности беспокойным жителям предместий Сен-Жюльен и Воссель — хотя бы потому, что в первые дни революции здесь царил праздничное ликование: 28 июня 1789 года в предместьи Воссель и стар и млад спешил украсить гирляндами из дубовых ветвей, роз и васильков треугольную пирамиду, воздвигнутую в честь Некера.

Подобное равнодушие к периферии, равно как и безусловное предпочтении, оказываемое юго-западной части городского пространства, недвусмысленно говорит о жесткой иерархии и четком разделении города на профанную и сакральную сферы. Одно из мест, которые праздник явно обходит стороной, — крепость; меж тем на протяжении всего столетия она, напротив, была целью торжественных новогодних шествий, направлявшихся с почтительными поздравлениями в мэрию и цитадель, а с 1760 года заходивших и в здание интендантского ведомства. По всей видимости, XVIII век внес столь существенные изменения в облик Кана (здесь даже военные инженеры перестали защищать идею о реконструкции городских стен, а на месте рвов было возведено множество построек различного назначения), что крепость утратила статус архитектурной и зрительной доминанты. Однако в городском пространстве она по-прежнему воспринималась как своего рода барьер, точка, куда упирается взгляд и куда можно совершить приятную прогулку. Кроме того, она сохраняла и символическое значение. Свидетельство тому — волнения июля-августа 1789 и ноября 1791 года: именно к крепости, вопреки канонам революционного праздника, устремляются в поисках оружия жаждущие крови мятежные толпы из предместий. Несмотря на это (или как раз поэтому?) в церемониальные маршруты кре-

ворота Милле уже не существовали, а незадолго до этого события была разрушена и башня Шатимуан, маршрут следования этой делегации демонстрирует, что представители власти еще стремились держаться внутри городской черты, пусть даже воображаемой.

пость не попадает; о ней не напоминает ни одна деталь торжества, кроме звуковой составляющей: из цитадели раздаются залпы артиллерийских орудий, возвещающие о наступлении праздничного утра. В остальном же революционный праздник решительно поворачивается спиной к былому воплощению силы и мощи.

Он игнорирует и другие места — к примеру, аббатства. К женскому монастырю, обращенному в склад сена, ни одна праздничная процессия и близко не подходит: впрочем, справедливости ради надо сказать, что к предместью Сен-Жиль, где он располагается, даже нет сколько-нибудь приличной дороги. Мужской монастырь в июне-июле II года ожижает, ибо его нарекают храмом Верховного Существа, — по, увы, ненадолго. В церкви этого аббатства (она была выбрана, вне всякого сомнения, по одной причине — из-за величественных пропорций главного нефа, возведенного в XI веке) проводились церемонии, на которые, как предполагали организаторы, соберется большая толпа, из-за чего могут возникнуть давка и волнения. Здесь прошло и торжественное поминовение Мирабо (впрочем, народу стекло столько, что многих все равно вытеснили на площадь перед церковью), и праздник по случаю заключения мира в Кампо-Формио: декораторы скрыли главный алтарь за рядом трехцветных знамен, и ликующую толпу уже не смущала сакральность избранной сценической площадки.

И наконец, процессии не обращают никакого внимания на большую часть церквей — в первую очередь, разумеется, тех, что находятся в предместьях. Но участникам праздника нет никакого дела ни до церкви святого Юлиана (упоминавшееся выше шествие секции Гражданской доблести равнодушно проходит мимо нее), ни до пребывающей в забвении церкви святого Николая, где некогда заканчивалась процессия в честь Пятидесятницы. Что же касается церкви святого Иоанна, расположенной на единственной улице Кана, которая может похвастаться восьмиметровой шириной, то маршруты многих шествий действительно пролегли вдоль ее слегка наклонной колокольни и портала, но об остановке не было и речи, хотя при Старом режиме площадь перед ней служила местом сбора ополчения и вообще играла в городе немаловажную символическую роль, сопоставимую с функциями крепости: в ноябре 1791 года сюда устремились жители Воссельского предместья, разгневанные тем, что священник, не принесявший гражданской присяги, осмелился служить мессу в этой церкви.

Подведем итог: революционные процессии, перемещавшиеся в пространстве Кана, задействуют только две из множества сакральных точек

города. Это церковь святого Петра с находящейся перед ней просторной тридцатиметровой площадью, которую в течение XVIII столетия последовательно освобождали от загромождавших ее строений (об удобстве и соразмерности этой площади писал еще Юэ⁶⁸). Здесь проходит заупокойная служба по Людовику XV, торжества по случаю коронации Людовика XVI (подчеркнем: именно здесь, а не на Королевской площади). Здесь в XVIII веке обычно устраивали иллюминацию⁶⁹; здесь самый старший из городских советников вечером накануне Ивана дня подносил факел к одному из сотни сложенных из хвороста костров. Революция сохранила за этой площадью ее церемониальные функции: на ней по-прежнему загораются огни, но только в кострах вместе с хворостом пылают символы королевской власти и статуи святых; в церковь, преобразенную при помощи обелисков и медальонов в античном стиле, вступают торжественнейшие из революционных процессий — в том числе шествие в честь Смерти короля. Вторая точка, востребованная новым праздником, — церковь Ордена иезуитов, которая находится в напоминающем деревню квартале на берегу реки Одон. На ней и останавливает свой выбор народное общество — как из топографических (отсюда открываются разнообразные «перспективы»), так и из эстетических соображений: по мнению совета коммуны, именно здесь располагаются «прекраснейшие монументы города». Здесь, в архитектурном сооружении, проникнутом пафосом Контрреформации, под деревянной сенью, покрытой резными изображениями ангелов и ангелочков, заседает и издает свои декреты народное общество; отсюда же трогаются задуманные и устроенные им шествия II года.

Итак, праздник, в сущности, отменяет в городе религиозные символы, что, впрочем, трудно считать безусловным нововведением; он просто придает радикальность мерам, начатым урбанистами в эпоху Просвещения: тогда во имя принципа удобопроходимости едва не была спесена часовня Бель-Круа в конце улицы Экюйер (кюре церкви святого Этьена спас ее буквально в последний момент). Эти идеи перекочевали в арсенал революционеров, получив здесь поддержку в виде педагогических теорий. Отсюда многочисленные случаи уничтожения символических объектов самой революции, лишь в малой степени скомпенсированные возведением новых: пропадает искусственная гора, скры-

⁶⁸ Huet, *Les Origines de la ville de Caen*. Rouen: Maurry, 1706.

⁶⁹ В частности, по поводу взятия Маренго, победы над англичанами в битве при Сен-Каст, выздоровления дофина.

вавшая церковь Сен-Совер, исчезает дерево свободы, высаженное на площади, где при Старом режиме стоял позорный столб, уходит в небытие увитый лентами шест, установленный на Королевской площади вместо статуи. Нельзя сказать, что символических вех мало: за десять революционных лет на площадях и перекрестках Кана было высажено в общей сложности тридцать одно дерево свободы. Но из всех этих деревьев, кроме двух вышеназванных, лишь тополь у моста Свободы и зеленый дуб на Казарменной площади обладали достаточным символическим потенциалом: только возле них останавливались праздничные шествия или разыгрывались некие, пусть примитивные, спектакли. Как это очень часто бывает, соорудив тот или иной монумент, люди революционной эпохи падали жертвами бедности воображения и не знали толком, что с ним делать дальше.

Места же, которые революционное шествие избирает или даже изобретает, все без исключения являются новыми. Это площадь Фонтет, которая буквально перед началом революции обрела свой нынешний облик (архитектура Дворца правосудия соответствовала самым актуальным тенденциям: решенный в стиле неоклассицизма высокий квадратный цоколь с колоннами отличался немалой выразительностью⁷⁰). Это Королевская площадь, которую обходили стороной традиционные процессии — то ли потому, что она находилась на отшибе от главных улиц, то ли из-за ее убранства, довольно бедного⁷¹ (скромность его сыграла на руку революционному освоению площади, быстро утратившей монархический характер⁷²: 3 июля 1791 года отсюда была убрана статуя Людовика XIV и на ее месте установили обвитый трехцветными лентами

⁷⁰ Площадь Фонтет, однако, стала отправной точкой некоторых шествий (и прежде всего процессии по случаю праздника 14 июля) не столько из-за символической насыщенности Дворца правосудия, сколько из-за того, что в них принимали участие чиновники администрации департамента, здание которой находилось здесь же.

⁷¹ Классический урбанизм эпохи Просвещения в Кане проявился довольно умеренно; кроме того, сама площадь, недостаточно замкнутая, была лишена камерности, устремляющей взгляды всех к центру — статуе короля.

⁷² Укажем, что выбор Королевской площади был продиктован еще одним обстоятельством: в изящных классицистических зданиях семинарии разместилась городская администрация, а муниципальный совет избрал местом своих заседаний церковь конгрегации эдистов, причем внутреннее пространство церкви подверглось минимальным изменениям (были закрыты проходы из главного нефа в трансепт).

шест и алтарь Отечества; вскоре пространство площади приобрело больший драматизм в связи с тем, что в центре была воздвигнута пирамида-кенотаф — словно предназначенная для погребения восковой куклы, изображавшей генерала Гоша). И наконец, Национальная аллея⁷³, где праздник чувствует себя просторно и свободно. Она, по-видимому, с давних пор считалась местом отдыха и прогулок; так, Юэ отмечал, что и дворянам «случается бывать тут летом»⁷⁴. Так, здесь в сентябре 1725 года был устроен фейерверк по случаю бракосочетания Людовика XV и Марии Лещинской. Но это место было избрано не только и силу привычки, но и из-за своего чрезвычайно выгодного расположения. Данная точка города неизменно удостаивалась наивысших похвал: совсем неподалеку, между городской стеной и Восельским мостом находится покрытый яркой зеленью остров, окруженный двумя рукавами Орна. Именно в эту сторону, согласно проектам инженеров дорожного ведомства, должен был расти Кан, покоряя себе бескрайнюю и лишенную выразительных черт внутреннюю территорию страны. Праздник же обыгрывал в данной точке местоположение Кана с его отчетливо «водяной» доминантой: здесь Орн распадается на три рукава, а притоки Одона прихотливыми изгибами украшают окрестные луга; в погожие дни празднеств 10 августа и 1 вандемьера здесь разыгрывались потешные морские сражения, лодочные состязания копейщиков, соревнования по плаванию — все это делало зрелище более многосторонним и насыщенным.

Излюбленная точка Национальной аллеи — это, вне всякого сомнения, угол, который образует Орн, распадаясь на большой и малый рукава. Именно сюда устремляются все взоры: здесь для праздника в честь Верховного Существа сооружается алтарь (всходя на него, матери поднимают младенцев к небесам); здесь же для праздника Свободы IV года воздвигают королевский трон, а затем трон триумвира, где восседает

⁷³ Необходимо заметить, что, покидая Королевскую площадь и двигаясь к Национальной аллее, шествие проходило по Ярмарочной площади (подъезды к ней и сами ее очертания незадолго до революции были переделаны и благоустроены), традиционному месту торговли и встреч, откуда открывался превосходный вид на луга и реки, а также месту отдыха и развлечений: в юго-восточной ее части размещается ярмарочный театр; здесь же в дни праздников даются концерты. Однако площадь разграфлена цепочками каменных оснований для ярмарочных палаток, что не позволяет празднику развернуться непосредственно на ней.

⁷⁴ Huet, op. cit.

статуя Робеспьера. В V году на том же празднике этот сценографический прием, ради свободы обзора и институционализации церемонии, выворачивается наизнанку: на этот раз троны возведены «в лугах», а угол в точке разделения реки на два рукава превращается в место, где собираются зрители; здесь же устраивают временный амфитеатр, в котором восседают представители власти, а в VII году это место получает официальный статус: начинается строительство постоянного амфитеатра (предполагалось, что он будет увенчан алтарем) — материал для него берут из развалин провиантских складов, расположенных на другом берегу реки.

Понятно, что Национальная аллея, претерпевающая названные трансформации, все чаще оказывается точкой, к которой устремляются торжественные шествия; кроме того, именно сюда все ходят смотреть различные зрелища (потешные сражения или фейерверки), не участвуя при этом в каких-либо процессиях. Сакральная функция шествия, конечно, теряется, зато данная часть города, по соображениям как эстетики, так и удобства становится местом отдыха и увеселений. Праздник предпочитает не преобразовывать для собственных нужд старое пространство, а создавать новое.

Итак, в Кане свойственный людям революционной эпохи архитектурный волюнтаризм с успехом реализовался в праздниках. Освященные обычаем точки старого города отчасти сохраняют свой статус: гильотину устанавливают на площади Сен-Совер, где раньше высился позорный столб; на площади перед церковью святого Петра по-прежнему горят костры. Но праздничные шествия лишь по инерции не расстаются с давнишними маршрутами. В действительности устроители торжеств мало заботятся о том, чтобы следовать традиции, и, в общем, преуспевают в этом. Празднику, ими изобретаемому, чужда память (в том числе и о событиях революционного десятилетия), поэтому шествия обходят стороной крепость, узниками которой в свое время были Приер и Ромм, рынок и паперти церквей, где разыгрались многие сцены восстания, аристократическую часть острова святого Иоанна, где в продолжение федералистского мятежа находились жирондисты, и крайне редко заглядывают в предместья — очаги народного гнева. Празднику удается, дистанцировавшись от истории революционного десятилетия, сосредоточиться на той самой «расчистке» пространства, о которой мечтали теоретики урбанизма, причем слово «расчистка» в данном контексте допускает различные толкования.

Спротивление Парижа

Везде ли это было так легко? Можно ли было избежать «старых пространств» в Париже, где революционный праздник на каждом шагу сталкивался с историей революции?

Творцы праздника здесь, как и в Кане, проводят последовательную и твердую политику. Они обращаются с Парижем точно таким же образом: считают его открытым со всех сторон, абсолютно проницаемым пространством. И потому шествия отдают безусловное предпочтение градостроительным объектам, созданным в эпоху классицизма: Венсеннской аллее, Аллее Королевы, новым мостам (в том числе законченному только что мосту Согласия, важнейшей перемычке, соединяющей маршруты левого и правого берегов Сены), новым бульварам с их великолепными деревьями, недавно сомкнувшимся в кольцо вокруг города и отныне предназначенным для совсем иной, чем представлялось их создателям, цели. Некоторые праздники целиком проходят в рамках этого пространства, «чистого» и едва затронутого урбанизацией: 10 термидора VI года итальянские картины и скульптуры, медведи из Берна и дромадеры движутся в торжественной процессии мимо садов в английском стиле и хорошеньких домиков, украшающих южные бульвары, не отваживаясь выйти за их пределы. Впрочем, есть и такие шествия, которые трогаются в путь от Ратуши (церемония похорон Лазовского, организованная Коммуной) или, подчиняясь силе конкретных обстоятельств, углубляются в лабиринт улиц и переулков Рыночного квартала (кортежу, сопровождавшему в Пантеон гроб с телом Мирабо, надлежало по пути посетить церковь святого Евстафия). В целом же можно сказать, что организаторы праздников с большой неохотой следуют как маршрутами, пролегающими по старому, историческому Парижу, так и совершенно новыми маршрутами революционных событий.

В этом легко убедиться, обратив внимание на то, что центром притяжения многих процессий (кроме церемоний переноса праха того или иного исторического лица в Пантеон, где путь определялся конечной точкой шествия) была площадь Людовика XV⁷⁵, которая, как представлялось даже горячим поклонникам ее архитектурного облика, находилась словно бы вне Парижа. Шевалье де Мопино, выбирая наилучшее

⁷⁵ Площадь Людовика XV — нынешняя площадь Согласия, расположенная между садом Тюильри и Елисейскими полями; в революционное время именовалась площадью Революции. — *Примеч. перев.*

место для возведения памятника, «долженствовавшего поведать грядущим племенам об эпохе счастливой революции», предпочитает площади Людовика XV площадь Побед — подлинный центр делового, густонаселенного Парижа, важнейший пункт на границе между старыми и новыми кварталами, где нередко происходили и праздники предшествующей эпохи, в особенности те из них, что сопровождались запуском аэростата. Революционные шествия (за исключением двух⁷⁶) обходят площадь Побед стороной; для них важнее не географический, но метафизический центр города — а им, несмотря на свою удаленность от сердца Парижа, становится Марсово поле, которому праздник Федерации придал статус истинного символа национального единства.

Этот классический пункт назначения торжественных процессий ранее был практически неизвестен парижанам, лишь незадолго до революции открывшим туда дорогу. Это «сельская местность»; она потому так легко подчиняется церемониальным императивам, что представляет собой именно «пустыню», покорную любым преобразованиям. Мишле, считавший Марсово поле бесценным даром, доставшимся парижскому урбанизму в наследство от революции, превосходно это выразил: «Если Империя имеет свою колонну, а монархия — Лувр, то памятником революции служит... пустое место. Ее монумент — песок, плоский, словно Аравийская пустыня... Курган слева, курган справа, наподобие тех, что возводили древние галлы, — вот сумрачные и смутные свидетели славы героев...»⁷⁷

Впрочем, шествия слегка касаются и вслещественных архитектурных сооружений эпохи классицизма. Траурный кортеж с гробом Лазовского движется вдоль Лувра. Гипсовые постройки для торжеств в честь «Республиканского Единения» и Верховного Существа стоят перед дворцами, спроектированными Мансаром и Габриелем, начисто их игнорируя. Творения великих архитекторов никогда не превращались в составную часть эфемерных декораций революционного праздника; их никогда не подвергали никаким переделкам с тем, чтобы встроить их в праздничное пространство. Нередко подготовка к торжеству велась таким образом, что нивелировала монархические черты в облике города: амфитеатр, посреди которого на празднике Верховного Существа сгорало чудище Атеизма, был возведен вплотную к Павильону Единства и скры-

⁷⁶ Речь идет о пантеонизации Мирабо и празднике 9 термидора VI года.

⁷⁷ *Michelet, Histoire de la Révolution française* (предисловие к изданию 1847 года).

вал его за собой, а служебные здания возле Национального дворца⁷⁸ прятались за купами деревьев. На траурной церемонии в память о гражданах, погибших при мятеже в Нанси, фасад Марсовой школы — творения Габриеля — был закрыт построенной рядом с ним галереей, а взглядам зрителей надлежало устремляться в противоположную сторону: к алтарю Отечества, пирамиде, триумфальной арке, воздвигнутым на другой стороне Марсова поля. Не имея возможности отрицать «большой стиль» городской архитектуры, праздник пытается, по крайней мере, заставить всех забыть о его существовании.

Ни в коей мере не соперничая с этим стилем, революционные празднества просто отказываются от него, перемещаясь в деревню. Даже Бастилию Паллуа в конце концов превратил в танцевальный зал на открытом воздухе, под сенью листвы, поскольку ни один из многочисленных проектов памятника, который предполагалось воздвигнуть на ее месте, так и не был одобрен (деятели революции утешились в данном случае тем, что еще раз воздали хвалу красноречивости пустого пространства), и при взгляде на нее отныне возникали только идиллические, «сельские» ассоциации. По случаю апофеоза Вольтера ее превратили в Элизиум Юлии: «Из-под камней росли лавровые деревья, кусты, побеги роз и миртов»⁷⁹. Впрочем, не одна Бастилия — весь город стремится в дни празднеств преобразиться при помощи растительности. Венки, гирлянды, зеленые ветви, воткнутые в землю перед дверью каждого дома, изгоняют прочь городской дух: «Казалось, Париж стал одним просторным и великолепным садом...» У этого подобия сельской местности имеется преимущество, которого лишена настоящая деревня: оно не предполагает тайны. Тела Боннье и Робержо опускают в землю в импровизированном лесу, спешно устроенном на Марсовом поле по случаю траурной церемонии и свободном от всяких ассоциаций с лабиринтом. Взору предстает не слитная темная масса, но пронизываемое со всех сторон пространство, прорезанное множеством тропинок; ходить по нему не страшно и безопасно. Но подобная театральная постановка возможна

⁷⁸ Дворец Тюильри, служивший местопребыванием Людовика XVI и его семьи после их переезда из Версаля в октябре 1789 года, после ликвидации монархии получил наименование Национального: здесь происходили заседания Конвента. Три павильона (Главный, Флоры и Марсана), составлявших вместе с дворцом единый комплекс, были переименованы в павильоны Единства, Равенства и Свободы. — *Примеч. пер.*

⁷⁹ См.: *Conservateur décadaire*. 30 messidor an II.

где угодно — не только в Париже, но и в любом другом городе. Этот факт в очередной раз убеждает нас в том, что архитектурные проекты революционных праздников совершенно безадресны.

Однако Париж сопротивляется. С попытками превратить его в идеальное, абстрактное пространство город борется недостаточной одухотворенностью некоторых пропорций⁸⁰, узостью улиц⁸¹, сомнительной репутацией ряда мест⁸² — словом, всей силой исторической инерции. Кроме того, в его власти лишить праздник стечения народа: в отсутствие зрителей торжественное шествие превращается в цепочку уныло бредущих чиновников, до которых никому нет дела; им приходится идти скромными, не претендующими на размах маршрутами, а подчас и

⁸⁰ Поэтому теряет свой церемониальный статус Площадь Ратуши: надо сказать, впрочем, что сочинения, выходявшие из-под пера урбанистов на протяжении XVIII столетия, последовательно ее дискредитировали, а многие архитекторы вообще предлагали перенести Ратушу в другое место (к примеру, Штальц и Контанц считали, что она должна стоять на одной из набережных — Малаке, Эстрады или Конти). В описаниях празднеств, происходивших в Ратуше при Старом режиме, подчеркивается ее недостаточная безопасность и убожество внутреннего убранства. Так, Булле, рассуждая о праздниках, которые давали первые лица города в 1782 году, замечал, что торжеству надлежит возвещать о «всеобщем счастье», меж тем как Площадь Ратуши столь тесна и узка, что «с трудом вмещает экипажи короля и его свиты» (*Boullée*, op. cit.).

⁸¹ Именно по этой причине было принято решение о том, что траурный кортеж, которому надлежало препроводить гроб с телом Марата в Пантеон, начнет свое движение не из квартала, прилегающего к клубу Кордельеров, что было бы естественно и логично. Дело в том, что соседние улицы, слишком узкие и кривые, не смогли бы вместить сколько-нибудь значительное скопление людей.

⁸² Подозрительными обычно оказываются места, обладающие глубиной, всегда вызывающей неприязнь у тех, кто стремится контролировать горизонтальное пространство во всей его протяженности. Среди них, безусловно, Пале-Руаяль, с которым в восприятии современников была прочно связана идея некоего фантастического подземелья, куда ведут «норы» (двери лавок), «подвальные окошки, чрез кои можно увидеть весело отплясывающих девиц» (об этом см.: *Louis Sébastien Mercier*, *Paris pendant la Révolution*. Paris: Poulet-Malassis, 1862). В 1790 году полиция предостерегает приехавших на праздник Фсдерации делегатов от посещения этой «мрачной клоаки». В Пале-Руаяле должен был состояться единственный праздник — торжество в честь Свободы 20 брюмера II года, но в итоге и его, согласно декрету департамента, провели в другом месте.

вовсе прятаться. И наконец, что бы ни думали по этому поводу организаторы, революция решительно изменила праздничный облик города. В нем произошел некий сдвиг, неподвластный разумным, заранее просчитанным намерениям людей; обозначились пути, предписанные коллективной памятью о восстании. По дороге на Марсово поле народ прошел 13 июля 1789 года, но еще с некоторой робостью: тогда никто не осмелился перейти через заполненные водой рвы, меж тем как на следующий день люди шагали куда увереннее и рвы уже никому не казались препятствием. Через год, в день торжества Федерации, по этой дороге символически шла вся Франция. Улицы и площади населены призраками, насыщены образами. Как организаторам, составлявшим программы празднеств, было избежать встречи с этой живой, наглядной историей, блистательной или мрачной? Разве триумфальная колесница с прахом Вольтера может не остановиться на площади, где некогда стояла тюрьма, в которой был заключен великий человек? Разве можно похоронить Лазовского не на площади Карусели, куда он привел пушки в день 10 августа 1792 года? Даже те места, которые в проектах праздников зачастую описываются как абсолютные лакуны, пустыни, всячески сопротивляются подобной нейтрализации. Марсово поле, чистейший артефакт, созданный революцией, все же не обладает той идеальной свободой, которую признают за ним распоряжения создателей торжеств и о которой пишет Мишле: «Даже здесь, — восклицает Робеспьер, — на сем алтаре, мы, увы, копируем ногами почву, пропитанную [...] невинно пролитой кровью»⁸³. О том же по прошествии длительного времени (26 термидора VII года) вспоминает и Сьейес: «Здесь, на этом самом месте собирались орды варваров, свирепых и кровожадных пришельцев»⁸⁴. Идиллический аркадский луг революция превратила в «поле смерти». Праздник, вопреки усилиям его организаторов столкнувшийся с трагизмом революции, отныне должен всеми силами от него избавляться.

Отсюда колебание, ощутимое в множестве проектов: исчезают ли зловещие следы, оставленные революцией, когда по ним ступает праздник? Или же, напротив, они лишь делаются явственней? Порой ожидания именно таковы, и именно это подразумевает Портъез, 20 мессидора III года призывая провести праздник «прямо здесь», то есть на «покрас-

⁸³ Le défenseur de la Constitution, № 9.

⁸⁴ Sieyès, Discours à la célébration de l'anniversaire du 10 Août. Paris: Imp. de la République, an VII.

невшей от крови» трибуне Конвента и на площади Карусели, где собирались зачинщики ужасных событий жерминаля и прериала. Но бывает и так, что организаторы празднеств, подчиняясь неистовой жажде забвения, которой пронизаны даже самые амбициозные программы (в частности, разработанная Робеспьером программа праздника в честь Верховного Существа), пытаются удержать шествия вдали от мрачных мест революционной истории: в таком случае праздник мыслится как обратная сторона мятежа. В городе, который революция определяет целиком, без остатка, подобное пространственное решение, задуманное или даже (как в случае праздника Верховного Существа) осуществленное, обречено на расплывчатость и неясность. Маршрут торжественного шествия в праздник Свободы 9 термидора IV года, вполне классический (он начинался на площади Бастилии и заканчивался на Марсовом поле), обходит стороной площадь Революции, но не площадь Карусели, куда в конце концов была перенесена гильотина.

Не значит ли это, что есть места, очищению не поддающиеся? Во всяком случае, именно так воспринимается площадь Революции. Две знаменитые головы, на ней отсеченные, еще раз падут, как известно, в беспамятстве, наступившем вслед за событиями 9—10 термидора. Термидорианскому конформизму хотелось бы вспомнить о королевской власти (чьи эмблемы будут сожжены на площади Карусели), но не о конкретном Людовике (и потому праздники этой эпохи избегают площади Революции), о «тирании децемвиров» (ее эмблемы будут преданы огню на Марсовом поле, видевшем триумф робеспьеризма), но не о Максимилиане Робеспьере. Впрочем, это лишь конечная точка движения вспять, начавшегося значительно раньше. Как бы случайная встреча направляющихся на праздник членов Конвента с гильотиной произошла 21 января 1794 года. Отвращение, которым проникнута произнесенная на следующий день речь Бурдона из Уазы (как известно, под его нажимом было принято решение, запрещающее Конвенту посещать праздники, «чей ход и меры предосторожности не рассмотрены» заранее), носит опережающий характер: оно предвещает расторжение союза праздника и насилия; по мере того, как гильотина удаляется в восточную часть города (на площадь Революции она, впрочем, однажды еще вернется — для показательной казни Робеспьера) и устанавливается сначала на площади Сент-Антуан, а затем на площади Опрокинутого трона (площади Нации), праздник подчеркнуто смещается к западу. Даже масштабные процессии, устроенные монтаньярами, и те уже не посещают площадь Бастилии (за исключением шествия в день «Республи-

ликанского единения»), а трогаются в путь от Тюильри, направляясь к Марсову полю. Так рождается своего рода суеверный ужас, табу, которое вскоре будет наложено на площадь Революции; многочисленные ораторы примутся развешивать его, пытаясь ответить на один и тот же вопрос: как смыть это пятно? Возвести на площади памятник Согласию, который, став знаком покаяния и в то же время примирения, притягивал бы к себе мирных граждан? Оставить здесь «пустое место»? Подчас бессовестно изгоняют весьма торжественным образом: на площади следует во всеуслышание объявить, что она никогда впредь не станет местом казни (на этом настаивал Портъез); Конвент и в самом деле издает подобный декрет, но вербального очищения площади не происходит, поскольку торжественное оглашение декрета откладывается на неопределенный срок. Впрочем, это не мешает вскоре переименовать площадь Революции в площадь Согласия. Во всяком случае, эти дискуссии иллюстрируют один тезис: город напоминает празднику о том, что в нем есть пространства, исполненные мрачного, губительного очарования, и к ним лучше не приближаться.

Все сказанное свидетельствует о том, что история неожиданно врывается в утопическую мечту. Утопия как таковая признает историю только в форме мифологии: она периодически устраивает праздники в честь некоего лежащего в ее основе великого события. Революционные торжества быстро забывают о своей основополагающей дате: время в эту эпоху движется с огромной скоростью, но оставляет между различными точками колоссальные разрывы, что было удивительно точно подмечено Бальзаком⁸⁵. Какой далекой кажется купель революции, если смотреть на нее сквозь события, которые произошли потом и исказили ее облик! В речах, разумеется, несложно совладать с трудностями, возникающими из-за невероятной насыщенности революционной истории: можно сделать вид, что день 10 августа был призван всего лишь дополнить собой день 14 июля; можно даже назвать дворец Тюильри «Бастилией» («Бастилией 10 августа» или «Бастилией 92 года»), слив во-

⁸⁵ «Тот, кто в наши дни читает историю французской революции, даже представить себе не может, какими огромными интервалами отделяла тогда человеческая мысль события, в действительности столь близкие одно от другого. Жажда спокойствия и мира, которая после этих бурных потрясений ощущалась всеми, вытеснила из памяти людей даже самые значительные события недавних лет. История быстро старела, ибо возникали все новые жгучие интересы» (роман «Темное дело»; см.: Бальзак О. де. Собр. соч. в 15 т. Т. 11. М., 1954. С. 358; перев. Е. Гунста).

едино время и пространство. Но программам подобная уловка дается вовсе не так легко. Им необходимо ответить на вопрос о месте проведения праздника, а многие места непрерывно меняют свой смысл: аркады Лувра и площадь Карусели, где Коммуна и Конвент оспаривали друг у друга власть; Пале-Руаяль, ставший гнездом роялистов и потому утративший обаяние, которым он был овеян в первое революционное лето; Дом Инвалидов, где растоптанный федерализм сделал подозрительным самое слово «Федерация»; и, разумеется, площадь Революции. Все эти места всякий раз необходимо завоевывать заново. Праздник пытается подчинить пространство мечте о рациональном соположении картин, об обратимости — история вторгается сюда с иррациональной последовательностью своих событий, с необратимостью.

Пространство—время революции

Здесь ощущается скрытый провал, неудача; создатели праздников, верные сыны Просвещения, считали пространство и время основой единого феномена. Празднику, рожденному их фантазией, надлежало превратить церемониальное пространство в эквивалент революционного времени. Но действительность и не думала подчиняться их титаническим усилиям.

Процессия есть искусство времени, но не в меньшей степени — искусство протяженности в пространстве; она отрицает одновременность⁸⁶; порой от нее ожидают преобразования истории в пространство. Вот, к примеру, какого мнения придерживается гражданин Жанс⁸⁷ относительно праздника в честь Марата. Участь этого проекта печальна, однако изложенные в нем соображения тем интереснее, что они касаются не одного конкретного торжества, но претендуют на статус теории

⁸⁶ Процессия заставляет зрителя избрать определенный наблюдательный пункт и, следовательно, ограничить поле зрения. Эмили Броньяр, дочь знаменитого архитектора, столкнулась с этим на собственном опыте; будучи тринадцатилетней от роду, она, разумеется, стремилась увидеть все, что будет происходить на празднике Верховного Существа. Женщины, ее сопровождавшие, хотели посмотреть только на сожжение Атеизма и твердо стояли на своем, то есть собирались остаться в Тюильри; чтобы реализовать свой план, Эмили пришлось обманом ускользнуть от них и присоединиться к группе девушек, шедших за колесницей Сельского хозяйства (J. S. de Sacy, Les Brongniart, op. cit.).

⁸⁷ J. B. Gence, Vues sur les fêtes publiques et application de ces vues à la fête de Marat. Paris: Imp. de Renaudière-jeune, an II.

праздников, и в особенности шествий. В тексте горячо отстаивается идея подвижности; убежденный, как и все XVIII столетие, в том, что «душу надлежит прежде всего поражать посредством зрения, ибо глаза суть могущественнейший из наших органов», гражданин Жанс считает, что «по всей длине процессии необходимо разместить, словно в живой картине, известное число главнейших событий жизни великого человека, изложить их в надписях и красноречивых символах, создать из них несколько следующих друг за другом групп». Он приводит множество технических и педагогических аргументов, напрямую восходящих к сенсуализму и призванных превратить шествие в правильный и точный язык зрительных образов. Каждая из групп, передающая свою идею, которую уместно было бы выразить в отдельной надписи, должна быть тщательно обособлена от других; впрочем, здесь следует соблюдать меру, дабы избежать чрезмерного дробления: лучше всего было бы «не смешивать объекты, но и не распылять их», «... не отрывать друг от друга, но и не сваливать в кучу впечатления и мысли, пробуждаемые различными группами...» И наконец, надлежит придерживаться «ровного и скорее медленного, чем торопливого» темпа процессии — с тем, чтобы глаза успевали «пробежать по картинам» и, следовательно, постичь и усвоить преподносимые в них уроки.

Однако, прочитав рекомендации касательно праздника Марата, трудно не усомниться в том, что при помощи подобного движения можно выразить идею развития и вырваться из тисков чистой линейности. Дело в том, что шествие, вопреки словам Жанса, проносит через пространство вовсе не изложенные в хронологическом порядке события жизни Марата, но «нарезку» из мифологических сцен — это абсолютно плоская аппликация, по определению не обладающая глубиной. Перед зрителем «апофеоза» должна в первую очередь продефилировать «группа общественных добродетелей Марата». Колесница, их везущая, покажет (причем картины будут предусмотрительно снабжены пояснительными надписями) Марата, грозящего трону тирана, разоблачающего генералов-предателей или погруженного в ученые занятия. Затем будет двигаться «группа добродетелей частных», где зрители увидят, как великодушные и милосердные Друга Народа проявлялось в повседневной жизни. Вслед за ней явится колесница «вознаграждений», везущая венки и почести, коих Марат был удостоен за свои добродетели. Последней едет колесница «примеров» — несколько групп, каждая из которых состоит из лиц одного возраста и может проиллюстрировать собой какой-нибудь поучительный пример из биографии Марата. Если у кого-то еще оставались сомнения,

здесь они должны разветвляться: процессию завершают возрастные группы, а в их непрерывности воплощено повторяющееся время. Следовательно, шествие в честь Марата — реестр мифов и образов, и группы в нем связаны исключительно по смежности. Перед нами, в сущности, не столько процессия, сколько скульптурный фриз, созданный воображением не режиссера, но архитектора. Здесь «работает» педагогическое время: без него нельзя удержать в руках различные фрагменты зрелища, но никакого отношения к изображаемому оно не имеет. Предлагаемая им линейная последовательность — это просто порядок чтения.

Все еще больше усложняется, когда на месте человека, которого всегда (особенно после его смерти) можно описать и определить при помощи мифологических картин, оказывается революция, коей надлежит поставить спектакль по собственным мотивам. Рассмотрим одну из множества программ, где недвусмысленно дает себя знать стремление скрестить в рамках праздника пространство Парижа с временем революции. Это разработанная Давидом программа торжества в день 10 августа 1793 года⁸⁸. По замечанию Мишле, тот праздник был «пятиактной историей революции», развернутой перед парижанами поочередно в пяти местах: сначала у Бастилии, затем на небольшой площади Пуассоньер, на площади Революции, у Дома Инвалидов и, наконец, на Марсовом поле.

Начало и финал этой истории — обязательные фигуры революционной риторики. Отправной пункт шествия — Бастилия, крепость, превратившаяся в мирный сельский уголок: этот прием позволяет и скрыть, и дополнить смысл события. Скрыть потому, что от исторического дня 14 июля не осталось ничего, кроме развешанных «через определенные промежутки» табличек, о нем напоминающих; дополнить — символически, поскольку пустое, вакантное место, «чья красота будет

⁸⁸ Праздник проходил в то время, когда республика, по словам Барера, представляла собой «гигантский осажденный город». Официальные резоны его проведения — принятие новой Конституции, годовщина 10 августа — не более чем поводы. Стоя лицом к лицу с федерализмом, необходимо утвердить национальное единодушие. И потому церемониал праздника, колеблющийся между несколькими соперничающими интенциями, в целом стремится воплотить это единодушие: председатель Конвента на алтаре Отечества связывает в один пучок пики (до этого все представители первичных народных собраний, двигавшиеся в процессии, несли по одной пике). Это «республиканское единение» произвело на очевидцев сильное впечатление, о чем свидетельствуют газеты и брошюры той эпохи. Современникам казалось, что они наконец воочию увидели «великую красоту», о которой возвещала революция.

явлена в пышности окружающей природы», позволяет разыграть спектакль о великом революционном крещении. Вода, которая струится из «могучих грудей» огромной статуи и подносится делегатам первичных собраний в одной общей чаше, есть символ нового рождения. О возвращении к истокам, буквально повторяя слова Давида, настойчиво напоминал Эро де Сешель в речи, произнесенной у Бастилии в день праздника: «Очам Предвечного предстанут люди равные, связанные братскими узами — такие, кои некогда были сотворены его божественными руками...» Симметричным образом Марсово поле, конечная точка следования процессии, указывает на завершение революции. Прибытие туда частей шествия символизирует ее вход в тихую гавань; распоряжения программы недвусмысленно свидетельствуют о своенравном отрицании времени, оборачивающемся непониманием того, что революция способна непрерывно порождать новые события: приношения, возлагаемые на алтарь, клятва, связывание копий в один пучок, препоручение ковчега с конституцией заботам народа. Группы участников процессии должны продефилировать под портиком; он, в свою очередь, также будет «украшен лишь тщанием природы». Скрытые под густой листвой, увитые одинаковой трехцветной гирляндой, к которой прикреплен ватерпас, две несущие колонны этой арки в буквальном смысле являются «термами», пограничными столбами революции.

Огромное большинство программ не идет дальше начальной и конечной точек, Давид же весьма оригинальным и интересным образом вводит в промежуток между ними историю революции. Три ключевых сцены, три остановки, на которых они разыгрываются, три разных набора режиссерских приемов: так, кратко и весьма убедительно, излагается эта история. Вслед за не локализованным во времени крещением (Бастилия) Давид переходит к событиям 5—6 октября 1789 года — шаг совершенно нетривиальный и, по-видимому, в истории революционного праздника уникальный. Но где же он о них рассказывает? На площади Пуассоньер, куда героини тех дней уж точно не заходили. Пространственный сдвиг бросает тень произвольности на всю режиссуру данного эпизода; его нарочитая ирреальность, разумеется, не ускользнула от современников, которые в один голос просили перенести воздвигнутую здесь триумфальную арку, важнейший элемент торжественной церемонии, в другое, более соответствующее место. Проект Давида, впрочем, не совсем чужд реализма: героини событий 5—6 октября появятся на площади, «восседая на пушках, как оно и было в те дни». И все же: смогут ли зрители понять, что перед ними именно участницы

похода на Версаль, доставившие короля в Париж? Хотя в руках у них зеленые ветви и трофеи, смысл которых, с точки зрения Давида, «ясен без обиняков», газеты тех дней высказывают по этому поводу сомнения. Речь, произнесенная Эро де Сешелем на площади Пуассоньер 10 августа, также не могла развеять недоумение, поскольку оратор лишь взывал к свободе и в духе утопии рассуждал о роли женщин в рождении героев. Изложение событий будет поручено надписям на триумфальной арке: оторванное от истории зрелище в очередной раз передаст свои полномочия текстам.

Двигаясь от бульвара Пуассоньер к площади Революции, где должна пройти торжественная церемония в ознаменование дня 10 августа, шествие преодолевает пространство, символизирующее три исторических года. О новом событии Давид пишет очень энергично, причем термины, к которым он прибегает, свидетельствуют об усилиях, прилагаемых им к соединению даты и места: «Граждане! сейчас мы приблизились к бессмертному, немеркнущему дню 10 августа». На самом же деле кортеж «приблизился» к площади Революции — месту, также выбранному словно бы по произволу (логичнее было бы остановиться на площади Карусели). Однако в революционной памяти 10 августа сливается в одно целое с 21 января. Только физическое уничтожение короля может довершить его социальную смерть; она же, со своей стороны, позволяет в полной мере понять, что казнь Людовика была, в сущности, актом милосердия по отношению к нему. Именно таким образом Давид и поясняет сделанный им выбор: «Вспоминать о тиране надлежит на том месте, где его не стало». В день праздника Эро де Сешель, предавая, как то предписывала программа Давида, память о тиране публичному поношению, развивает все ту же тему: «Здесь меч закона обрушился на тирана». Но ничто на площади не напоминает о короле; на его месте (или, точнее, там, где ранее стояла статуя Людовика XV) мирно возвышается украшенная свежей листвой скульптура Свободы: так перед фасадами павильонов, созданных Габриелем, вновь вырастает «лесочек», который наверняка пришелся бы по сердцу Дидро и был бы им сохранен, «если бы ему пришлось разбивать площадь Людовика XV на ее нынешнем месте». Пышная растительность изглаживает воспоминания о мучениях и смерти короля, или, скорее, королевскую власть следует искать в другом месте, в привычных атрибутах революционных праздников — пугалах, свитках пергамента, коронах, которые, согласно отработанной драматургии, сгорают в «очистительном пламени», в то время как тысячи птиц, взлетая вверх, поднимают к небесам транспа-

ранты с «некоторыми статьями из Декларации прав человека». Этот живой фонтан притягивает взгляд зрителя и заставляет его отвлечься от мрачного средостения революционной истории.

Еще один промежуток, которому Давид не придает никакого значения, еще один отрезок времени, и вот Дом Инвалидов. Чистейший произвол господствует и в выборе этого места, где воспоминанием должна быть почтена победа над федерализмом — финальная буря революции, последние судороги борьбы, по окончании которой она может наконец торжествовать свое завершение. В этом последнем случае разрыв между праздничным антуражем и исторической реальностью особенно глубок (вырочем, тому есть и очевидные причины). Что видит зритель? Колоссальную гипсовую статую Геркулеса (французский народ), попирающего выпозшую из болота гидру — надменный федерализм. Как современники дешифровали данную аллегория? «Газета республиканского общества искусств» (*Journal de la Société républicaine des arts*) вскользь упоминает о том, что образ остался непонятым и подвергся осмеянию. Эро де Сешель счел необходимым подчеркнуть: «Французский народ! Сей исполни, могучей рукой соединяющий и связывающий департаменты в один пучок, — это ты. Сие чудище — федерализм...» Во всяком случае, о 31 мая здесь не говорится ни слова.

Из всех известных нам программ детище Давида, вероятно, отчетливее прочих стремится вписать себя в революционное время. Но средства, к которым прибегает автор, не позволяют ему достичь цели: выбор места в большинстве случаев произволен; режиссерские присмы аллегоричны⁸⁹;

⁸⁹ «Газета республиканского общества искусств» в выпуске от плювиоза II года пишет о том, что народ, взирая на эти картины, колебался, испытывал замешательство, и приводит разговор некоего парикмахера с неким архитектором в день праздника 10 августа. Архитектор подробно разъясняет собеседнику смысл различных сценографических приемов, но парикмахер возражает: «Несмотря на все, что ты рассказал мне о храме, алтаре и термах, стоящих у входа на Марсово поле, не могу не выразить тебе своего удивления. Почему те, кто распоряжался устройством праздника, питают такую привязанность к этим фигурам, кои, по твоим словам, выполнены в египетском стиле? Я бы хотел знать, почему на голове у той женщины, которую я вчера видел на площади Бастилии, такой убор? Мы же французы, а нас — под тем предлогом, что наши нравы и памятники пришли в негодность — желают сделать египтянами, греками, этрусками; я думаю, что мы должны превзойти все эти народы, и уверю тебя, гражданин художник, что я бы предпочел фигуру, которая рождается в моем воображении при взгляде на красоты природы...»

эпизоды излагаются чересчур общо, без деталей: трудно понять, что, собственно, празднуется и почему; разные события передаются одинаковым образом; действие в целом статично: процессия проходит мимо растаптывающего федерализм Геркулеса, чья поза полна силы, но начисто лишена динамики; в тех точках, где что-то все-таки происходит, постановщик прибегает к слишком избитой драматургии появления-исчезновения. Пока шествие движется от остановки к остановке, зрители успевают забыть о том, что им только что было показано; с другой стороны, события, разыгрывающиеся на этих остановках, едва ли можно назвать повыми и удивительными, что вкупе с излишне длинными промежутками не позволяет установить между ними никакой преемственной связи. Давид свел историю к хронологии, и потому генезис разных событий постичь невозможно. Сам художник прекрасно это понимал и хотел даже выстроить «просторный театр, в коем посредством пантомимы были бы представлены главнейшие происшествия революции». В реальном празднике 10 августа это намерение практически не отразилось⁹⁰, однако само по себе оно хорошо демонстрирует, насколько шествие, задуманное Давидом, не было предназначено для выявления смысла прошедшего: программа оперирует внешними признаками времени, но не его значениями.

Чем вызвана эта неудача? Пожалуй, не столько неспособностью совладать с пространством (с ним, как мы видели, революционный праздник зачастую обращается смело и даже дерзко), сколько неумением заставить это пространство говорить о революции. Создателям праздников не удастся вообразить, как из одного эпизода может родиться другой; с их точки зрения, все эти эпизоды — лишь отголоски основополагающего события, неспособные исказить Великую и Неизменную Сущность Революции. Камнем преткновения для них оказывается революционное время: в идеальном понимании революция разрастается, но превратиться во что-то другое не может.

⁹⁰ Участникам торжества был показан только один отрывок под названием «Осада Лилля».